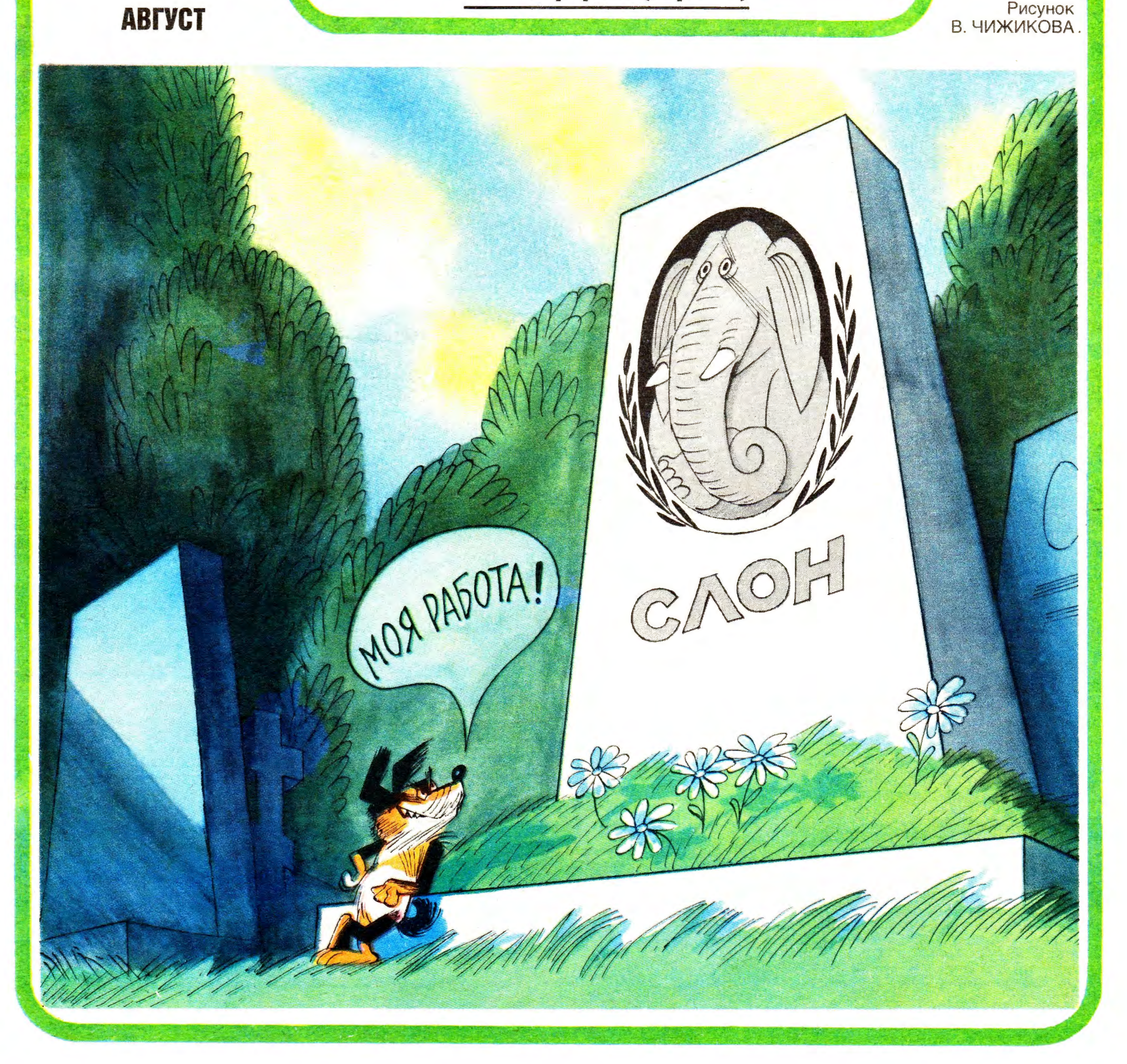
КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

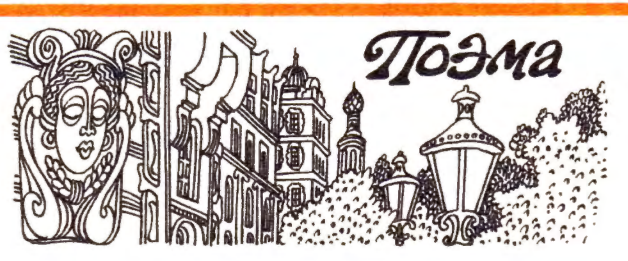
22-88

АВГУСТ

Рисунок В. ЧИЖИКОВА.

Как все пацаны — с Домниковки ребята,
я жил распрекрасно и голодновато.

У нас в коммуналке, большой и красивой,
из кухни приятно несло керосином.

И пахли подвалы ольхой и картошкой.
Любили друг друга на лестнице кошки.

И день начинался малиновым звоном:
молочницы кружками бьют по бидонам.

Кричала вдали Каланчевская площадь,
но громче — точильщик, зазывней — старьевщик.

А вот и мороженщик грохнул тележкой —
кепарь набекрень, и минуты не мешкай!

На дальней Тверской, где цыгане с медведем,
гурьбою, бывало, на буфере едем.

Цыгане закончат — вприсядочку, с бубном,—
но мы не домой, мы застрянем на Трубной,

где пестрые птицы, заморские рыбы,
собачки там служат, как мы не смогли бы...

Москва мельтешит, гомонит, завлекает,
на храме Спасителя купол сверкает.

Туда, где алтарь и небесная книга,
меня пропускают, а бабушке — фига.

В театре и в цирке все лучшее — наше:
там дедушка Дуров и тетя Наташа!..

Но вот по Тверским, Разгуляям, Зацепам
прошло-прогремело полвека с прицепом.

И стал я сегодня тот самый, который —
«Приперся с кошелкой! Мотай в крематорий!»

Мы не постарели. Мы просто другие.
К нам в гости приходит мадам Ностальгия.

И с нею по улицам милой столицы
порою «хотится под ручку пройтиться».

Крикливая дама — мне, право, неловко...
— Аминь Якиманке! Накрылась Покровка!

Ах, Старый Арбат, вы одеты нелепо:
костюм от «Мосфильма», сережки от НЭПа.

Зато уж на Новом — смотрите, смотрите! —
Коробкорбюзье! Скалозубы на стрите!

И бронзовый Некто, стоящий поодаль,
уверен, что хаживал гоголем Гоголь.

Ах, лучше поедем, как в давнюю пору,
в деревню Фили, на Поклонную гору,

где воскрешена Триумфальная арка,
где тянется свара, но действует сварка...

Не знаю, что будет на мемориале,
но дров на Поклонной горе наломали.

Я тоже исчезну, втихую добитый
продмаговской гирей и службою быта.

Мой хмурый старьевщик, мой старый точильщик,—
здесь точат хитрей, охмуряют почище.

Обильем товаров, хороших и разных,
щедры магазины, да только под праздник.

А в будни с прилавков торгуют для робких —
на подвиги храбрых любуйтесь в подсобках.

Отчеты — ажур, а в наличии кукиш;
колбаской подразнят — ее не укупишь.

Загадка цены́ объясняется просто:
начинка все та же, но дорог овес-то!..

Прервемся на этом. Вернуться пора нам,
как некогда сказано, к нашим баранам.

Посмотрим, чему бы еще подивиться
в Москве белокаменной, древней столице.

Ах, батюшки! Вместо высокого храма
зияет бассейна бетонная яма.

И, кажется, слышно сквозь хохот и всплески,
как взрыв сокрушил васнецовские фрески.

Я вижу новинки в нероновском стиле...
Великого Пушкина переместили.

Бессрочная ссылка — печальная доля,—
и с грустью он смотрит на племя младое.

Наверно, затем его переносили,
чтоб встал он навеки спиною к «России».

Но место святое не может быть пусто —
деритесь за место, друзья по искусству!..

...Как глупая чайка во время отлива,
мадам Ностальгия безумно болтлива.

И я у идущего вслед поколенья
за эту старуху прошу извиненья.

— ИМЕНЕМ...

Рисунок С. ТЮНИНА.

ВИЛЫ В БОК!

КОНФУЗ НА КОЛЕСАХ

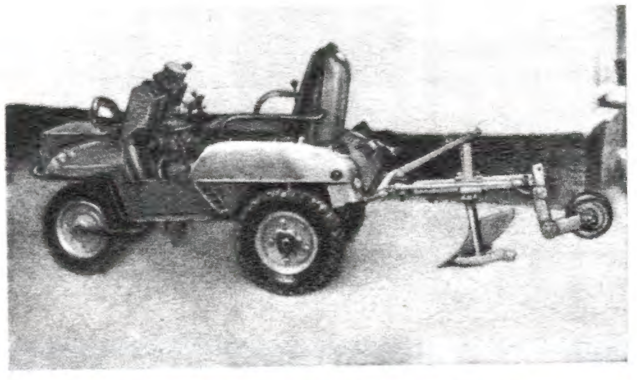
Нехорошо как-то получилось, неловко. Но ведь нельзя же так опаздывать, уважаемый тов. Кирьянов, ветеран войны из Армавира! На целых пять лет... Нет чтобы пораньше заглянуть в Кутаисское специальное конструкторское бюро Минсельхозмаша, которое вдумчиво и старательно конструировало мотоблок для обработки приусадебных участков.

Впрочем, все по порядку. Пять лет без особого успеха дружный коллектив Кутаисского СКБ скрипел карандашами по листам ватмана. В результате по изготовленным СКБ чертежам был построен мотоблок М-5. Внешний вид его внушал уважение. Пройдись на таком по участку, и земля превратится в цветущий оазис!

На госиспытания М-5, правда, привезли на грузовике. По причине его несамоходности. Но было бы неверно утверждать, что обработка почвы с помощью М-5 в принципе невозможна. Если мотоблок прицепить вместе с плугом к обычному трактору, то можно достигнуть невиданной для таких машин производительности.

Но госкомиссия это не приняла во внимание. Ее члены, ознакомившись с мотоблоком, дружно взялись за головы и с тихим стоном удалились навсегда. Провал был настолько сокрушительным, что Минсельхозмаш даже запретил вести дальнейшую работу по усовершенствованию мотоблока по причине его полной безнадежности.

Нет, представляете?! Целый коллектив дипломированных инженеров работал над машиной, а тут никому не известный ветеран Кирьянов С. С. за 3 недели собирает из серийных автомотодеталей мотоблок собственной конструкции, сам изготовляет прицепные орудия к нему и как ни в чем не бывало начинает успешно пахать свой приусадебный участок да еще шлет фотографию этого мотоблока в «Крокодил»!

В какое положение гражданин Кирьянов С. С. ставит Кутаисское СКБ? Можно подумать, что коллектив конструкторов пять лет просиживал штаны, получая от государства незаработанные деньги! Это же полный конфуз, дорогие товарищи!

Так где же вы раньше были, ветеран Кирьянов? Почему не поинтересовались, не помогли коллективу? Фотография, конечно, ваша хороша, и мотоблок на ней тоже, но поздно, поздно! Как говорится, поезд ушел. На сегодняшний день за рубежом уже закуплена технологическая линия для производства мотоблоков на Кутаисском заводе, и скоро импортные мотоблоки появятся на наших приусадебных участках. Ах, как вы нерасторопны, товарищ Кирьянов...

Р. НИКОЛАЕВ.

КРАТКИЙ И БЕСТОЛКОВЫЙ...

Хорошая книга нынче дефицит, и поэтому я не задумываясь купил «Краткий толковый словарь русского языка» (Академия наук СССР, Институт русского языка, Москва, издательство «Русский язык», 1987 год, под редакцией В. В. Розановой, издание 5-е, исправленное и дополненное). Правда, как выяснилось, предназначен он для лиц, изучающих русский язык «как иностранный или неродной, и преподавателей русского языка нерусским» (цитирую по аннотации). Ну да бог с ним, подумал я, толкования от этого не меняются. И ошибся...

Сразу бросилась нелепица в статье «Авария»: «положение, когда машина, механизм и т. п. перестает работать во время движения, действия...» Позвольте! Машина, механизм может перестать работать, если кончилось топливо, если отключили электроэнергию, если нажали на тормоза... Разве это авария? Правильно толкует С. И. Ожегов: авария — это повреждение машины, механизма во время работы. Коротко и ясно.

Дальше — больше.

Авторы моей новой книги (И. Городицкая, Т. Поповцева, М. Судоплатова, Т. Фоменко) трактовали атом как «частицу вещества, материи». Но, прошу прощения, и молекула — частица. И электрон. И кю-мезон. Снова обратимся к Ожегову: атом — «мельчайшая частица химического элемента, состоящая из ядра и электронов». А то ведь иностранцы и нерусские, возможно, тоже изучали физику и могут поднять русских на смех...

Баня, пишут толкователи,— это «специальное помещение, где моются». Но, как известно, моются также в ванной (каковая составителями опущена). В бане еще и парятся, чего в ванной никак не сделаешь. (Ожегов и на этот счет неизменно точен.)

Болото — «местность, где в почве много воды». Значит, если возле издательства «Русский язык» в почве сейчас много воды, это болото? А если на болоте в сухое лето в почве нет воды, это Старопанский пер., 1/5? Удивительно! (Ожегов: болото — «топкое место со стоячей водой».)

Мужчина — «лицо, противоположное по полу женщине». Интересно, а женщина? Правильно: «лицо, противоположное по полу мужчине»! Глубокомысленное заключение! Но ведь мальчик и старик — тоже не одного с женщиной пола. Равно как и девочка со старухой — по отношению к мужчине. Как тут быть?

Авторы словаря могут мне возразить: ряд толкований неполный потому, что статьи сопровождаются иллюстрациями (например, мотоцикл: «машина на двух колесах с мотором» — а рядом рисунок не мопеда, не мотороллера, а именно мотоцикла), и потому, что в скобках дается перевод на английский, французский, испанский и немецкий языки. Все это верно. Но тогда возникает вопрос: а зачем вообще нужен этот словарь? Не легче ли перевод прочесть в «нормальных» англо-русских или русско-английских и т. д. словарях, а толкование — в «нормальных» толковых?

И еще. Я уже упомянул, что издание это 5-е, исправленное и дополненное (подписано в печать 22.10.87). И тем не менее в нем отсутствуют «кооперация», «хозрасчет», «частник», «репрессии». А «перестройка» без толкования дана в статье «перестраивать», «гласность» — в статье «гласный» (также без объяснения). Верно ли это?

Нет в словаре и «халтуры». Жаль. С. И. Ожегов определяет ее так: «недобросовестная, небрежная и без знания дела работа, а также вещь, сделанная таким образом». Вдумайся авторы в это слово, возможно, и не стали бы тогда выпускать «5-е издание» в нынешнем его виде (цена — 3 рубля 40 копеек, тираж — 150 тысяч экземпляров). Так мне кажется...

Т. ЖУРОВ,
кандидат экономических наук,
зав. отделом Могилевского
НПО «ПКТИАМ».

НАРУШИТЕЛЬ

Рисунок О. ЭСТИСА.

ПОБЕЖАЛИ, ТОВАРИЩИ!

Похоже, дорогие читатели, что мы в ближайшее время станем свидетелями невиданного доселе массового триумфа советских легкоатлетов. Причем для этого не потребуется ни многолетних тренировок, ни поиска спортивных самородков. Отныне каждый наш подсобный рабочий будет пробегать стометровку в два раза быстрее любого ихнего чемпиона мира!

Эта небывалая революция в области спринта гарантирована совместным постановлением Госстроя, Госкомтруда и ВЦСПС от 5 декабря 1986 года. Несомненно, будущие исследователи запишут эту дату в золотые скрижали спортивной истории. Именно в этот день три глубокоуважаемые организации утвердили Единые нормы и расценки (ЕНиРы) на «внутрипостроечные транспортные работы», где совершенно отчетливо сказано, что 1 тонну груза строительный рабочий-подсобник обязан перенести на первые 10 метров за 1,2 часа, а на каждые последующие 10 метров — за 0,39 часа...

Ленинградский инженер М. Лабзин, проанализировавший этот исторический документ, справедливо утверждает, что даже супертяжелоатлет, оказавшийся по воле рока подсобным рабочим, вряд ли потащит всю тонну разом. Тем более что это совершенно ни к чему. Возьмет он полукилограммовую вязочку и побежит стометровку с ней.

Путем весьма несложных арифметических вычислений тов. Лабзин рассчитал, что в строгом соответствии с Едиными нормами приход подсобного бегуна к финишу предполагается через... 8,48 секунды! А если учесть, что по тем же самым нормам он за это же время обязан еще и вернуться к старту, то рекорд на стометровке превращается в 4,24 секунды! А средняя, так сказать, крейсерская скорость быстроногого подсобника приближается к отметке 85 км/час! Отлично! Восторженные аплодисменты стадионов всего мира гарантированы. Кому? Ну, конечно же, Центральному бюро нормативов при ВНИПИ труда в строительстве Госстроя СССР. Ведь именно оно выпустило эти ЕНиРы, вскрыв совершенно неизвестные ранее резервы человеческого организма.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не одно соображение. Нормативные сроки строительства потому и называются нормативными, что прямо связаны с твердой обоснованностью утвержденных норм и расценок. А когда это обоснование, мягко говоря, легкомысленно, тогда расцветают хорошо знакомые нам долгострой и приписки. Это понятно любому строителю-практику. А вот теоретикам, разрабатывающим и утверждающим нормы, похоже, нет.

Чтобы в этом убедиться, достаточно взять под мышку вязочку с грузом и немножко побегать. Итак, секундомер включен. Побежали, товарищи!

П. КАШУРИН.

А. МОРАЛЕВИЧ, специальный корреспондент Крокодила

ВРЕМЯ, НАЗАД!

Начал я точно, как Иосиф Сталин,— родился в семье сапожника.

Сапожник тот был еврей Вульф Сиротин, проживал он под Гомелем, в местечке Подобранка, и родился у него в 1921 году мальчик Модест. Может возникнуть интерес, откуда бы у еврейского сапожника из местечка случилась такая славянская фамилия — Сиротин.

— А у нас,— говорит мне Модест Вульфович,— половина евреев в местечке была — Сиротины. Может, выкрестились когда-то, может, еще почему-то. Теперь-то она, эта фамилия, оправдалась для меня, старика. Я — старик-сирота.

И Модест Вульфович, заведующий производством знатного ресторана «Бобруйск», достает из-под стола громадную жестяную банку явно ресторанного оливкового масла, маскирует ее газетой и ввиду позднего часа собирается идти домой.

— А если на улице встретит БХСС? — спрашиваю я.

— Ну, пустяки,— отвечает старик.— Смотрите, сколько у меня карманов: брючные, пиджачные, жилетные. У меня, это знает весь город, все кругом схвачено. Вот в этом нагрудном кармане сидит у меня весь горком, в этом — горисполком, в этом — КГБ, суд в левом пиджачном кармане, прокуратура — в правом, а БХСС, уж извините, так с ними накоротке — аж в брючном заднем кармане. Кушать ведь все хотят, а я в городе — заправила кушаний.

* * *

В четырнадцать лет будущий заправила Модест попал в подручные к военторговскому повару. А потом была война, которую Модест и три его брата прошли насквозь, сперва от Бреста до Москвы, потом от Москвы до Кенигсберга. Братья были офицерами, а Модест, как и в гражданке,— поваром, рядовым. Едоков у него в войну было немного, в основном — двое. Вы их знаете по фамилиям: Черняховский и Василевский.

— Парикмахеры,— сказал мне Модест Вульфович,— и теперь в почете и уважении. Изобрел прическу — на тебе авторские права и все такое. А образ повара аж с Ивана Андреича Крылова полностью искривился. Ворами считаемся. Про прапорщиков говорят, что для них скоро введут форму с погоном только на левом плече, потому что на правом они выносят из расположения воинских частей украденное у армии. А про нас говорят, что у каждого правая рука длиннее на два сантиметра — от таскания сумок с наворованной снедью. Повар в прежнее время тоже считался творческим человеком, не хуже парикмахера, а произошла полная обезличка. Никто уже не пишет, как то положено: беф-Строганов, а гонят в одну строчку с малой буквы, даже без дефиски — бефстроганов. У меня сорок два наименования блюд несут уточнение: «по-сиротински». И если введут опять поварам авторские права, начнут поваров считать за людей — первой запатентую я затируху мучную, что кухарил под Вязьмой. Взял пустые мешки, потрусил за углы над фанерным листом, горсти три получилось — и на огонь. Генерал спросил: чем кормишь, Сиротин? Я сказал: натруской по-сиротински.

Вот так. А много позднее, уже в мирной жизни, общепитовец Модест Вульфович Сиротин, обратав Бобруйский горком партии, за взятки получил от его первых секретарей знатнейшие в нашем Отечестве ордена — Трудового Красного Знамени и Дружбы народов. Учитывая эти его повадки, не худо бы теперь, хоть прошло много времени, учинить сыск, за сколько солдат Сиротин купил у полководца Черняховского боевой орден Красной Звезды, а у полководца Василевского — орден Отечественной войны и восемь медалей, в том числе битвы за Москву. И сколько этот еврей украл, лично организуя в 1945 году банкет Победы для всемирно покрытого славой Третьего Белорусского фронта.

Сын сапожника, он родился в Белоруссии, воевал на фронте под названием Белорусский и вернулся к мирным — стационарным! — кухонным котлам опять в Белоруссию.

* * *

А семейное положение? Да, конечно, в 1947 году женился повар на вдове летчика, погибшего в первые военные дни над Брестом, Анна Григорьевна звали вдову, и при ней двое детей, мальчик и девочка. Ну, а кто же по нации означенная Анна Григорьевна? Вот то-то и оно, что женщина эта — неактуальной еврейской национальности, как и Сиротин. Так почему же он не женился на привлекательной и бездетной, допустим, иомудке, которых вокруг пруд пруди, почему не женился на прелестной, допустим, казашке? А потому, что уже в те давние дни вырисовывалось его сионистское лицо. А Анна Григорьевна как раз и стала мозговым трестом оголтелого сионистского гнезда, владея языками идиш и иврит. Правда, для наведения тени на плетень она знает блестяще и русский язык, а в дни Победы коммунистка Анна Григорьевна выступает с чтением белорусских стихов, причем с глубинным и тонким народным окрасом, но умные люди понимают, что это всего лишь наведение тени на плетень.

О, в небольшом количестве, но есть очень умные люди!

* * *

Умный человек — обязательно патриот. Когда страна празднует Первомай, он также с радостным лицом шагает по улицам шестисотлетнего Бобруйска в ликующих колоннах. Колонны поют песню «Широка страна моя родная!». И умный человек от души, с сияющими глазами поет. Но если очень вплотную к нему приблизиться, если очень внимательно вслушаться, то окажется, что слова песни у него немножко переиначены. Вот как он поет:

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин,
Если он, конечно, не еврей!

Короче: сел в 1983 году умный человек и сгрохал первую анонимку в областную прокуратуру и народный контроль Белоруссии про махрового сиониста Сиротина, за взятки покупающего себе ордена. Про душителя белорусов и русских. Про вора из воров.

Был этот умный человек — антисемит. Ну, про которого написано у Маяковского:

Антисемит антанте мил.
Антанта — сборище громил.

Писал наш умный человек, что как раз не орденом Дружбы народов полагалось бы увенчивать трудовой и социальный путь заслуженного повара, а орденом грызни народов, где в кружале из оскаленных зубов помещен раздвоенный язык. И еще предостерегал умный человек, чтобы письмо его проверяющие никому в Бобруйске не показывали. Потому что — приводился конкретный, пофамильный список партийных, советских руководителей Бобруйска, руководителей здешних УКГБ и УВД — все они продались сионисту Сиротину за взятки и колбасу. При такой деталировке хотелось ожидать, что «автор без подписи» укажет, за какую именно колбасу продавалось тогда УКГБ, за сервелат или — подымай выше — только за салями. На какую ветчину не клюет горисполком, а против какого рулета по-сиротински устоять уже не может. Но такие уж точности и штришки «автор без подписи» опустил.

А мне, автору с подписью, известно из личных жизненных наблюдений: большинство людей рождают матери, а некоторых людей — время. Сиротина Модеста Вульфовича, например, родила, безусловно, мать. А инспектора Комитета народного контроля Белоруссии И. К. Тихановича — время.

Ну, что вы, конечно, совсем слепо не пошел он на поводу у анонимщика-антисемита. Но ведь было время, что проверялись анонимки любого свойства,— вот и приехали товарищи в Бобруйск, допросили человек полета. Деликатно, щепетильно допрашивали. Прокурор за Сиротиным ничего не нашел и уехал. Но Тиханович требовал увольнения Сиротина. И после его деликатной проверки слухи о сионисте Сиротине разнеслись по всему городу. Правда, самому этому сионисту анонимку Тиханович не показал и даже не огласил, но ничего, уцелел в тот раз Модест Вульфович. Трудно было Бобруйску против республиканского народного контроля, но напрягся весь многонациональный город, отстоял еврея-любимца.

* * *

А почему любимец? Город — он не девушка, у которой может стать любимцем любой обормот. У города с трехсоттысячным населением любимцем стать трудно!

А потому он любимец, что давненько назначили Сиротина в столовку «Теремок», наипровальную столовку. Тошниловками зовут такие столовки. И реконструировал ее великий повар и скоро — при девяноста посадочных местах — кормил две тысячи горожан в день. Ломились люди к нему. И такой в «Теремке» установил Сиротин порядок, тяжелый для персонала, но приятный для города: открыт «Теремок» всякий день с восьми утра до восьми вечера, без перерывов на обед и выходных. И, поскольку были в городе трудности с мясом, не оголял город «Теремок» требованиями на мясо, а из всяких бельдюг и престипом делал сказочное двадцатипунктовое меню. Изобретал эти рыбные блюда Сиротин.

Пару слов и о меню. Если, товарищи всесоюзные рестораторы и столовцы, в ваших заведениях пропадают меню, знайте: по заданию Сиротина его выученики, находясь в отпусках, крадут по стране меню, чтобы потом изучать их в Бобруйске; нет, у московского «Националя» кишка тонка против нас. А вот эти прибалты из «Лидо» нас обскакали, по закускам надо вставать с ними вровень.

Еще пару слов о выучениках Сиротина. За сорок лет его службы он подготовил сто тридцать первоклассных шеф-поваров. По этому поводу помянем Японию и тамошнее ученичество. Японские гроссмейстеры профессий истово работают с учениками. И если ученик попался достойный, мастер, даже если у него есть сыновья, говорит сыновьям: сыновья! Не вам, а ученику такому-то я передаю свою фамилию в мастерстве!

Однако здесь не без японских штучек и японских представлений о справедливости.

— Любимый Иводзимо,— говорит ученику мастер.— Ты научился у меня столь многому, что свою фамилию Ямамото я присваиваю тебе почти всю, а именно — Ямамот, всего без одного «о» на конце. Будь счастлив, ибо двое других учеников удостоились всего только трех букв — «Яма».

Не знаю, всякому ли из учеников целиком отдал бы свою фамилию Сиротин. Но едоки в Белоруссии, не спрашивая об этом старого шеф-повара, большого гражданина и орденоносца,— отдают. И еще, не спрашивая об этом «старого сиониста», употребляющего в разговорной речи даже такие страшные антисоветские слова, как «азохэн вэй!» и «зай гезунд!» — в городе его называют так: батя.

* * *

И прошло со времен первой анонимки четыре спокойных года. И насильно, вызвав батю в горком и горисполком, ему навязали вот что: сдай свой прославленный «Теремок», прими главный ресторан города «Бобруйск». Наш город прекрасен. Подними до его уровня захиревший вконец ресторан.

Он подтянул. Он достиг гармонии в треугольнике повар — официант — клиент. Долго все это описывать — поезжайте сами и постолуйтесь в любом из трех залов ресторана. И к вашему столу, хоть рублевый вы клиент, хоть сторублевый, подойдет справиться о качестве обслуживания бабелевского толка еврей, коротышка и весело-лукавый. Он всегда выходит к посетителям, но всегда весел на людях, хотя «на носу у него очки и в душе осень». В душе у него тюря во фритюре, как говорит он сам.

В чем тут дело? Катаев говорил: «Время, вперед!» Мы же закричим: «Время, назад!» Назад, время анонимок, анонимкам больше нет ходу!

Однако «широка страна моя родная». Так широка, что везде нет хода анонимке, а где-то — есть. И, как разъяснил людям в Бобруйске ответственный работник Комитета народного контроля Белоруссии П. Казачонок,— руководству комитета решать, как поступать с анонимками. Захочет — так, невзирая ни на что, рассмотрит.

Словом, в 1987 году опять поступила на Сиротина чудовищная антисемитская анонимка. И, по старой памяти, приехал ее проверять тот, кто уже однажды требовал увольнения Сиротина и получил резкий отказ,— инспектор республиканского народного контроля И. Тиханович.

* * *

А вот что за эти годы произошло с батей. Помните, женился он на замечательной женщине Анне Григорьевне с двумя малыми детьми? Вырастили они малых детей, сына и дочь. Затем сын, курсант, погиб на военных учениях. Потом у дочери умер один сын. Потом умер второй внук. Недавно в автокатастрофе погибли дочь и зять. Чудом уцелела последняя внучка...

В пять часов утра на улицах страны появляются самые ранние люди. Это повара. Они встают к котлам в любой сезон потемну. К восьми они должны кормить население.

И когда без десяти минут девять идет на службу председатель Бобруйского комитета народного контроля И. М. Комаров, ему каждый день попадается на площади Модест Вульфович с чем-то прямоугольным под мышкой. Они здороваются и расходятся.

Комаров знает, откуда и куда пошел в этот час Сиротин. Потому что, как всегда, был батя спозаранку в ресторане, отдал какие нужно команды, а теперь идет на кладбище. Там у него большой участок недавних захоронений. Старик называет это — «моя Хатынь». И Комаров знает, ему рассказывали, что на кладбище старик ходит от одной могилы к другой, беседует с надгробиями, иногда сердится и спорит. И Комаров говорил со многими городскими людьми: надо делать что-то, ведь повредится умом старик!

Но что поделаешь? Ничего не поделаешь.

А помните вы банки с оливковым маслом, что уносит старик из ресторана? Сюда, на кладбище, он носит пустые банки. В них старик ежедневно ставит цветы. Раньше ставил в вазоны, но вазоны крадут.

С кладбища он возвращается в ресторан, там в обеденное время по всем залам яблоку упасть негде. И не знает, что у первого секретаря горкома В. П. Алимбочкова в те же минуты сидит И. К. Тиханович: назад, время, он приехал проверять свежую анонимку про сиониста.

* * *

Как четыре года назад, еще из Минска звонил Тиханович директору Бобруйского треста Криштулу: в недельный срок уволить Сиротина. Криштул наотрез сказал: нет, ценнейшего работника не уволим! Тиханович грозно сказал: вот так? Тогда через неделю лично буду у вас. И вот прибыл. И кругом зачитывал грязнейшую анонимку. Из которой следовало, что Сиротин и его жена являются осью, вокруг которой вращается еврейство, решившее порвать с Советским Союзом, дунуть в Израиль. А почему этому Израилю удаются войны против арабов? А потому, что не прост в Бобруйске бывший фронтовой повар и сорвиголова Сиротин. Кормил он в войну наших маршалов, а сам держал ушки топориком, впитывал из застольных бесед полководцев стратегические таинства нашей науки побеждать. И в Бобруйске, на основе услышанного от наших маршалов в войну, разрабатывает Сиротин операции, а евреи-отселенцы доставляют эти планы для реализации в Израиль. И этих уезжающих евреев, при больших нехватках провизии в наших магазинах, снабжает на дорогу Сиротин всем самым вкусным. А поскольку у евреев всегда бриллиантов — как у дурака махорки, то помогает им Сиротин бриллианты вмонтировать в колбасу под видом жиринок.

Смачной была свежая анонимка. И, как прежде, просил аноним с текстом в Бобруйске никого не знакомить: сионистским бандитом все куплены. И хоть дорого Сиротину это встало, остался еще миллион, чтобы выложить его за развратные по роскошеству памятники сыну, дочери, внукам и зятю.

* * *

Двое проверяющих были на кладбище. Ну, какой там к чертям миллион. Черная совместная доска внукам. Сварная из листового металла времянка над зятем, офицером, как и сыном. Вообще кругом на кладбище надгробия черные: траур, а превыше всего то обстоятельство, что за кладбищенской рощицей шинный-комбинат, крупнейший в Европе, поддает траура в атмосферу. И среди всего этого черного — вдруг два белых лица, молодые лица мужчины и женщины, сына и дочери Сиротина. Каждое лицо величиной в два обычных размера. Старик сказал: хочу белые лица детей! И город дал ему мрамор, и местный скульптор, белорус, изваял головы и, добрый человек, без всякой платы бережет белый мрамор от шинной копоти.

— Преступно, товарищи! — заявил проверяющим из Минска директор треста Криштул,— оглашать эту анонимку. И вообще, если уж на то пошло, тематика анонимки — вовсе для другого комитета, а не для Комитета народного контроля.

А в горкоме мне сказал первый секретарь В. П. Алимбочков: регулярно здесь бывают со сводками руководители УКГБ, УВД. Ни малейшей порочащей информации у этих ведомств по Сиротину нет, нет их и в горкоме. А если признать по анонимке, что у Сиротина состоит на прикорме все руководство Бобруйска, все административно-правовые службы, то чем же тогда кормят в ресторане «Бобруйск», на что не нахвалятся горожане и множественные гости города?

Здраво, в общем и целом, оценил город анонимку, сочувствие к Модесту Вульфовичу испытывали в самых широких слоях.

— Бедняга старик! — говорили.— У него уже и инфаркт случился от этих анонимных дел. Теперь ходит в бассейн, сердце под наблюдением врача тренирует. Кстати, о бассейне. Слышали, в анонимке еще написано, что врач-то врачом, а как только врач за порог — шасть к Сиротину девочки. Гризеточки-шестнадцатилеточки. Эх, ма... Красиво жить не запретишь.

* * *

Да, широко, хотя подчас и своеобразно было внутреннее сочувствие. А что же, в колокола, что ли, бить городу по поводу всего лишь какого-то старика? Нет, товарищи, надо знать свой городской шесток. Хоть славен и громаден Бобруйск, но по статусу он всего только райцентр. А разве пристало райцентру оспаривать действия из столицы республики?

И только сто шестьдесят пять человек, коллектив ресторана, яростно стали оспаривать. Они прислали гневное письмо в «Крокодил». Они — украинцы, белорусы, русские, евреи — провели в ресторане собрание и потребовали присутствия на нем представителей горкома, треста, народного контроля городского, а от республиканского лично товарищей Казачонка и Тихановича.

Собрав образцы своих почерков, люди потребовали от товарища Казачонка предъявить оригинал анонимки для сличения почерков.

Но не привез с собой ни первый, ни второй оригинал тов. Казачонок. Как с сердцем Кащея Бессмертного, обстояло дело со святыми оригиналами. Сердце же это, как известно, находилось в сундуке за семью замками, а в сундуке скоролетная шилохвостая утка, а в утке игла, а уж в игле — сердце.

И со всей резкостью спросили сто шестьдесят пять человек, по какому праву вообще проверяется данная анонимка, тем более в наше время, тем более применительно к национальности Сиротина.

Но на этот вопрос почему-то не дал ответа тов. Казачонок, а сказал, что республиканский комитет выявил отпуск Сиротиным в ресторанный буфет цельной, а не ломтеванной колбасы, что является нарушением, а еще черная и красная икра, правда, строго по ресторанной цене, были как-то отпущены на сторону.

А на это сказали повара, официантки и рабочие ресторана тов. Казачонку: а знаете вы, что такое болезнь саркома? А знаете вы, что рак сильно помолодел и бывает теперь у детей? А знаете, что такое тридцатилетний юбилей поварихи, от стояния у плиты имеющей общую нашу болезнь — варикозное расширение вен? Вот по этим поводам батя, который сам испытал в жизни горя выше головы, а оттого чуток к любому горю, позволял купить через ресторанную кассу икру. Он, батя, отзывчивый на любую белорусскую, украинскую, татарскую беду, хотя беда, если только это известно тов. Казачонку, не имеет национальной привязки. А первоклассная официантка Ирина Янкова, с высшим, видите ли, образованием, сказала: в любом деле есть ошибки. На что уж пунктуалист был Паскаль, и то вдруг обмишурится и всобачит в расчеты вместо паскаля джоуль, а то и вовсе, так его и так, ньютон. Да, мы ошибаемся, но не надо уводить нас неломтеванной один раз колбасой от главного существа дела: почему проверки касались национальности самого интернационального и уважаемого среди нас человека?

И единогласно собрание приняло резолюцию: просить Комитет народного контроля республики незамедлительно передать хранящиеся там оригиналы анонимок Бобруйскому горкому партии. Чтобы горком поручил компетентным городским органам — а это очень компетентные органы! — нахождение анонимщика.

И готов горком. Готовы компетентные органы. Готова общественность пронаблюдать торжество справедливости.

А республиканский народный контроль не пересылает в Бобруйск анонимки — и все тут.

* * *

В Минске я спросил тов. Казачонка: народный контроль — он доподлинно народен? И получил ответ, что доподлинно.

Еще я спросил: а со скольких человек начинается народ? Может быть, как раз со ста восьмидесяти, тогда как в ресторане работников — сто шестьдесят пять, отчего их мнением народный контроль может пренебречь?

А также: антисемит пытался осквернить репутацию Модеста Вульфовича Сиротина, двух последних оставшихся вживе членов его семьи, всех его сослуживцев. Народный контроль ничего не предпринял для защиты их доброго имени, как раз наоборот. Но, помимо этого, аноним ставит вопрос о том, что сионистом куплена вся Советская власть города во всех ее проявлениях, во всех службах. Уж о репутации этих служб и побеспокоиться бы народному контролю, заслюнить конверт, переслать анонимки в Бобруйск!

Не пересылают.

— А где запрос? — говорит тов. Казачонок.— Нету запроса. А раз нету запроса — не пересылаем. (Официальное письмо коллектива ресторана в народный контроль запросом он не считает.)

И я предлагаю: товарищи подписчики и розничники! Пять миллионов триста тысяч человек! Давайте пошлем тов. Казачонку искомый запрос. Это необходимо городу Бобруйску для привычной городу дружбы народов. Необходимо Модесту Вульфовичу Сиротину с одноименным орденом на груди.

Вам же, Модест Вульфович, я скажу так: сам я, Моралевич Александр Юрьевич, черт-те какой национальности. Сперва, говорят, у истоков рода был какой-то гишпанец Моралес. Потом прабабушка моя, еврейка, в южном населенном пункте Дунаевцы полюбила православного попа, а он — ее. За это евреями населенного пункта Дунаевцы было постановлено побить бабушку камнями. Прабабушка и поп-прадедушка бежали в Киев. Вот одна моя ветвь. Вот другая: моя бабушка Констанция Викентьевна Дмуховская — полька, дедушка Болеслав Константинович Яхимович — литовец. Кто же я по национальности, Модест Вульфович? Для меня это расплывчато и вообще как-то без разницы. Моим знакомым в областях, краях и республиках это также не мешает со мной общаться.

Но, Модест Вульфович, выяснив в городе Бобруйске Вашу личность и Вашу жизнь, скажу Вам: как человеку с рассеявшейся национальностью, мне было бы лестно состоять лично с Вами в евреях.

Бобруйск — Минск.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

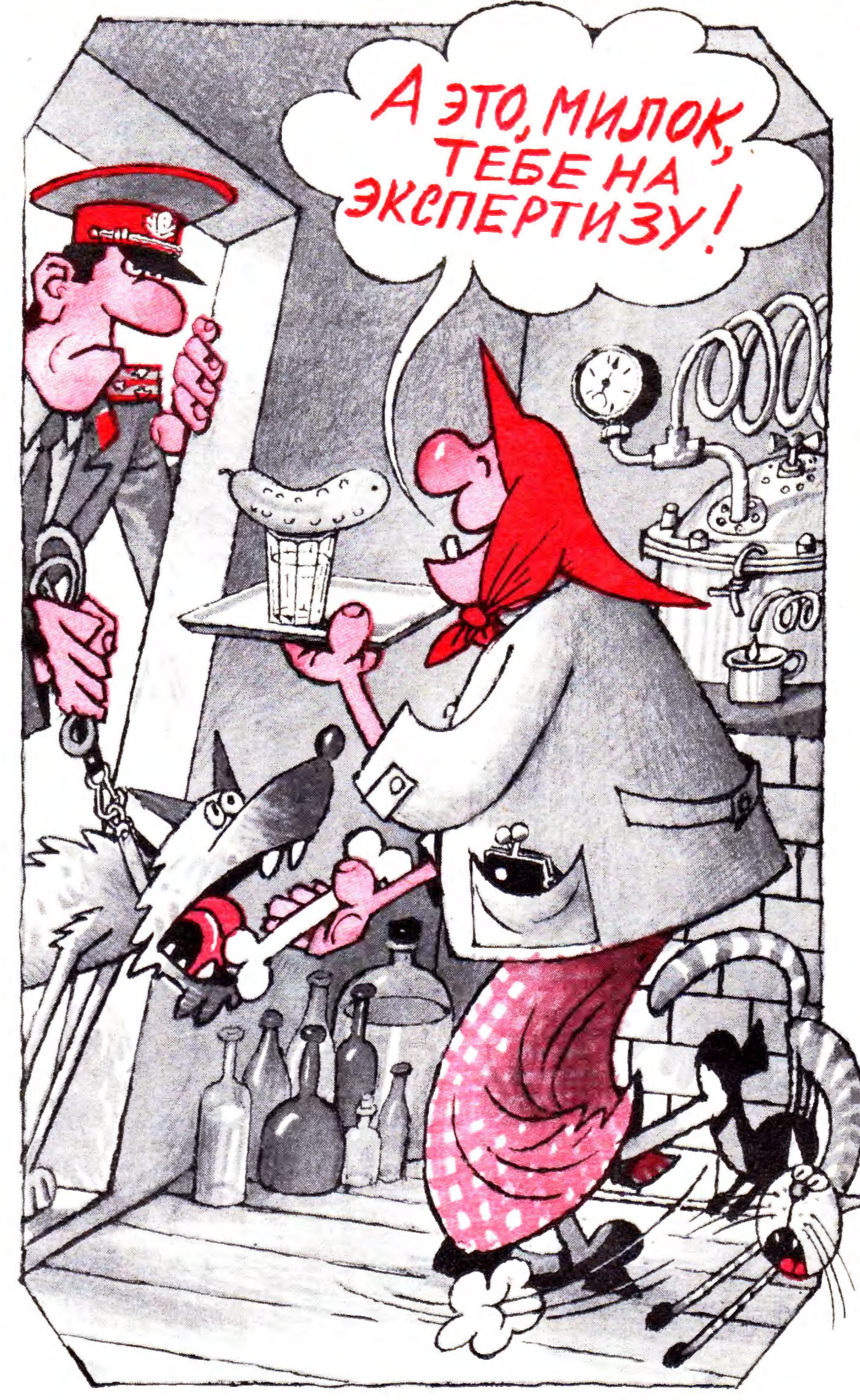

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ?

Звонившие отнимали трубку друг у друга. «Дом по историческому праву принадлежит Московскому зоопарку»,— слышался женский голос. «Даже над входом надпись есть по-латыни: «Для исследования природы»,— кричал взволнованный голос мужской...

Выяснилось: в редакцию звонили москвичи Татьяна Шумова и Юрий Масюк. А причина обращения в «Крокодил» вот какова.

В конце прошлого века знаменитый фармацевт и меценат В. Феррейн подарил Русскому обществу акклиматизации животных и растений великолепный двухэтажный особняк.

Пронеслось время, и дом обветшал, так как многочисленные его хозяева — различные научные учреждения — особо за ним не следили: исчезли каменные сфинксы, караулившие вход в здание, обрушился портик; последние владельцы, съезжая, содрали с полов линолеум, выломали мойки и водопроводные трубы, оборвали электропроводку. Около года дом пустовал...

И тогда Московский зоопарк в лице его директора В. Спицина обратился в Краснопресненский райисполком с просьбой — передать пустующее здание зоопарку. Так как, это общеизвестно, Московскому зоопарку катастрофически не хватает помещений, а это здание как раз у него под боком. К тому же, помните, кому был подарен особняк и с какой целью?

Но ответил исполком, что подарок Феррейна передаривается кооператорам под кафе.

— Мы не против кафе,— в один голос сказали редакции звонившие.— Но почему именно в этом доме?

И впрямь, товарищ райисполком Красной Пресни?

В следующем году первому в России Московскому зоопарку исполнится 125 лет. Его бедственное положение общепризнано. Закрыты для посещения террариум, аквариум, обезьянник, львятник; змеи временно переведены в слоновник, а вот рыб переводить вообще некуда, хотя в любой момент под тяжестью тысяч литров воды могут рухнуть находящиеся в аварийном состоянии перекрытия аквариума. В помощь зоопарку на специальный счет со всей страны поступают деньги — от детей и пенсионеров, любителей природы и организаций. Но выйти зоопарку из прорыва нелегко. Собранных на сегодняшний день средств едва хватит разве что на ремонт обезьянника. И пока ломаются копья вокруг строительства нового зоопарка, особняк помог бы решить хоть некоторые из насущных проблем старого. Конечно, слонов, тигров и львов здесь не разместить, но музейные экспозиции, библиотеку и часть лабораторий вполне.

СЧАСТЬЕ НА ЗАДВОРКАХ

— С вами говорит Михаил Власов из подмосковного города Пушкино. У нас в городе производят торжественную регистрацию молодоженов в загсе, расположенном в одном здании с магазином «Хозтовары». Но только если парадные двери магазина распахнуты со стороны центральной площади, то врата загса открыты со двора. Вот и получается, что счастливые молодожены, едва вступив в новую жизнь, тут же натыкаются на контейнеры с мусором, вываленным из «Хозтоваров». Эти контейнеры торчат прямо перед входом в загс.

— То есть жизнь молодых начинается с задворок?

— Вот именно. И не один год. Представляете, какая картина отпечатается у них в памяти?

Представляем... Для полноты картины можно фотографировать молодых на фоне мусоросборников. Уникальные будут фотографии, как уникально, впрочем, и само бракосочетание — с черного хода.

Она называется гордо: Выставка достижений народного хозяйства СССР! И верно, здесь есть что посмотреть. Монументальные павильоны, обилие машин, станков и механизмов, великолепное оформление... Сюда, на ВДНХ, едут люди со всех концов нашей необъятной страны для изучения передовых технологий, для осмотра новой техники, для обмена опытом. Выставка пропагандирует, агитирует, распространяет, внедряет. И все же...

Мы пришли на выставку «Товары для детей и молодежи» в день ее открытия. Экспозиция произвела на нас большое впечатление. Но дело даже не в этом. Новая экспозиция помогла понять и то, что осталось, так сказать, «за кадром» и о чем Крокодил (в № 7) имел случай рассказать на примере Выставки достижений народного хозяйства Киргизской ССР.

Мираж для широкого круга

Юрий БЕЛЯВСКИЙ, Юрий БОРИН,
специальные корреспонденты Крокодила

Года полтора назад мы совершенно случайно оказались на одной полузакрытой выставке. В нескольких павильонах ВДНХ Госагропром и пищевые отрасли индустрии информировали избранную публику о своих успехах и достижениях.

Витрины ломились от сервелатных колбасных кругов и всяческих копченостей. Золотистыми поленьями возлежали гигантские осетры, эти последние динозавры современности. К потолку устремлялись пирамиды баночек с редчайшими консервами. Изобилие текло рекой в шоколадно-кисельных берегах.

Официально выставка была адресована специалистам. Неофициально же — самому высокому начальству, которое должно было лицезреть удивительную продукцию выдающейся по масштабам показухи. Да, то была самая настоящая мистификация, ибо и сегодня, спустя полтора года, мы можем с прискорбием констатировать: массового перебазирования колбасно-осетровых достижений с выставочных витрин на магазинные прилавки не произошло. Может быть, поэтому упомянутая экспозиция проводилась в режиме сугубой секретности — у входа в павильоны стояла милиция, а посетителей впускали по особым пропускам...

Впрочем, эти воспоминания принадлежат уже истории. В эпоху перестройки меняются даже выставки. Во всяком случае, новая экспозиция «Товары для детей и молодежи», на открытие которой мы попали, по обещаниям ее устроителей должна была стать переломной. Вместо привычного навевания сна золотого она, по заявлению председателя оргкомитета, обязана была преподнести посетителям урок правды.

Собственно, за этой правдой мы туда и шли. Поскольку на личном опыте, подкрепленном чтением обильной читательской почты, знали, что с товарами для этой категории граждан нашей страны дела обстоят не лучшим образом.

В огромном павильоне «Товары народного потребления», отстроенном по последнему слову финской науки и техники, стояла утренняя тишина. Судя по скучающим лицам редких посетителей, особый успех выставке не грозил. Съемочной группе наших бойких коллег-телевизионщиков стоило большого труда отловить мальчика с папой и парочку забредших сюда в поисках одиночества влюбленных, чтобы продемонстрировать по ЦТ горячий интерес широкой публики к новой экспозиции. Режиссер строго объяснял мальчику, на что ему следует смотреть с искренним восторгом, а от влюбленных требовал внимания не друг к другу, а к стендам.

Говоря откровенно, нам на выставке понравилось все. Мы представляли своих счастливых жен, утюжащих белье при помощи гладильной машины «Ромашка», а самих себя, вкушающих завтраки, сидя на кухонном гарнитуре «Поэма-5». Наши дети спали на очаровательных двухъярусных кроватках типа Б-105-01, а уроки делали за эргономически выверенными домашними партами, построенными по проекту БП 2824.01.

Перечислением всего, что нам возжелалось в пустоватых залах выставочного павильона, мы могли бы занять много страниц, но лучше поведаем о том странном чувстве, которое нас охватило после обозрения товарного изобилия. По ассоциации с тем полутарогодичной давности воспоминанием мы назвали бы его чувством глубокого удовлетворения от несъеденной колбасы.

Дело в том, что в пристендовой информации к каждому товару содержалась одна коротенькая строка, мгновенно разбивавшая наши мечты о приобретении увиденных экспонатов. Называлась эта строка «План выпуска».

Планы были поистине грандиозными. Гладильная машина «Ромашка» должна была облагодетельствовать в этом году аж тысячу молодых женщин нашей необъятной страны. Завтрак верхом на «Поэме-5» ожидал 500 счастливцев. Двухъярусные кроватки могли принять 470 малолетних граждан, а домашние парты БП 2824.01 — и вовсе ни одного, поскольку то был единственный образец.

Эти великолепные цифры выглядели особенно впечатляюще по сравнению, например, с такими: **ежегодно** в стране создается 300 тысяч новых семей и рождается 5 миллионов младенцев.

Что ж, обещанный урок правды был получен, но чувство несъеденной колбасы не покидало нас, и мы отправились в одно из павильонных кафе, чтобы утолить голод.

Просторное кафе блистало финской мебелью, итальянским грилем и опять же итальянским фрикадрином. Все это импортное оборудование не только блистало, но и безупречно работало. В отличие от машины производства киевского завода, предназначенной для выпечки оладий. Это чудо оладьестроения, которое почему-то называлось автоматом, могло работать только вместе с приставленным к нему человеком в накрахмаленном колпаке. Этот человек сообщил, что автомат работает далеко не всегда, чаще ремонтируется.

Съев цыпленка, зажаренного в **их** гриле на выставке достижений **нашего** хозяйства, мы покинули павильон и оказались на площадке, сплошь застроенной премиленькими дачными домиками.

Домики были на любой вкус — однокомнатные и трехкомнатные, одноэтажные и с мансардой, из бревен и из бруса... Наши дачновладельческие аппетиты разыгрались не на шутку, мы уже представляли себя сидящими на веранде одного из таких домов и творящими нетленные произведения.

— Пожалуй, этот теремок мне подойдет,— сказал один из нас.— Как раз то, что надо. Три тысячи двести рублей? Да это же почти даром!

Но в это время другой из нас указал на строку, в которой сообщалось о «плане выпуска на 1988 год». Оказывается, данный домик будет тиражирован предприятиями Минлеспрома СССР в количестве... 15 штук.

— Какое же это достижение народного хозяйства,— подумали мы вслух,— если им можно любоваться только на выставке? Подкованную Левшой блоху-одиночку вряд ли кто-нибудь назовет достижением народного хозяйства...

Поскольку на сопровождающих теремки табличках предусмотрительно не указали, где можно их приобрести, мы связались с Минлеспромом СССР, в частности с управлением лесопильной и деревообрабатывающей промышленности, на предприятиях которого дачные домики выпускались. Заместитель начальника С. Русских поведал нам о том, что производство дачных домов — отнюдь не монополия его родимого министерства. Их выпускают еще 32 министерства и ведомства.

— И сколько же эта могучая кучка выпускает в год?

— В прошлом году 110 тысяч штук.

Мы сопоставили эту яркую цифру с полутора миллионами дачных участков, выделяемых гражданам страны ежегодно, и поняли, что при столь блистательных темпах производства полное изобилие вряд ли когда-нибудь наступит.

Но тут Сергей Васильевич вылил на нас небольшой ушат холодной воды:

— Неужели вы хотите купить какой-нибудь из этих домиков? Лично я не взял бы ни один.

Он не стал уточнять почему. Все точки над «i» поставил начальник отдела по торговле лесными и строительными материалами Центросоюза В. Моисеев.

— Дело в том,— сообщил нам Вячеслав Алексеевич,— что домики эти сделаны специально для выставки. Попробуйте их купить — намаетесь. Привезут их вам в виде пиломатериалов, свалят на участке, поди разбирайся. А когда начнете разбираться, окажется, что ни одна деталь не соответствует ГОСТу. Так что без строителей-шабашников вам не обойтись.

Свою тираду В. Моисеев заключил так:

— У дачного домостроения нет индустриальной основы. Ни в Минлеспроме, ни в других ведомствах нет специализированных предприятий, которые бы занимались главным образом этим.

Нет, пожалуй, дачестроителям далеко до лесковского Левши. Тот хотя и ковал блошиные подковы на любительском уровне, но зато с каким блеском! А тут даже элементарные ГОСТы не могут соблюсти...

Мы вдруг припомнили слова директора павильона товаров народного потребления Э. Никольского, которые поперовоначалу пропустили мимо ушей.

— Очень трудно,— жаловался нам Эдуард Владимирович,— было организовать эту выставку товаров для детей и молодежи. С каким скрипом все шло! Министерства отказывались присылать нам свои экспонаты. Приходилось специально заказывать их на предприятиях.

Ну вот, теперь все стало на свои места. Экспонаты, знаменовавшие собой достижения, делались по спецзаказу. Исключительно для выставки. Как это было похоже на ту осетрину и те окорока, которые мы видели в другом павильоне полтора года назад!

Острое чувство несъеденной колбасы переполняло нас, медленно бредущих по асфальтовым просторам выставки, забитой якобы достижениями якобы нашего хозяйства. Якобы — потому, что хорошие гладильные машины и хорошая мебель должны быть не достижением, а достоянием хозяйства. Причем не народного, а домашнего. Любого, в том числе и нашего. А иначе...

Иначе это уже и не вещи вовсе, а отчетные показатели. Их можно красиво отпечатать на привышей ко всему бумаге, можно демонстрировать по телевидению, можно экспонировать на ВДНХ, чтобы наиболее дотошные посетители могли потрогать их рукой.

Вот только колбасу такую нельзя съесть, а на такой стул нельзя сесть. Их нет в природе. И стало быть, это уже не выставка, а музей. Музей бюрократических игр в то, чтобы не быть, а казаться. В этом музее круглый отчетный показатель действительно может показаться и куском колбасы, и гладильной машиной одновременно. Пустые полки могут показаться полными, слово — делом, нехватка — изобилием. Да что там «может»! Казалось. Десятилетиями казалось. Только вот нынче-то кому это нужно? Кому и зачем?

г. Москва.

Рисунок Н. БЕЛЕВЦЕВА, г. Белгород.

З. ПАПЕРНЫЙ

БУТАФОРИЯ,
или Как работают некоторые «сатирики»

Марк Жарковский издал в этом году в Туле книжку сатирических стихов «Кто есть кто?». Подзаголовок завлекательный: «Фельетоны, стихи, басни, миниатюры, пародии». Еще не раскрыв книжки, читатель предвкушает: посмеемся... А тут еще аннотация: «В своей новой сатирической книге автор всеми средствами (!) высмеивает те пороки и недостатки, которые мешают нам строить передовое общество...»

Известно, что у сатиры много средств для бичевания — целый арсенал. Но чтобы один автор бичевал пороки и недостатки «всеми средствами», такого сатирика-универсала, обличителя-комбайна, кажется, до сих пор не встречалось...

И вот читаем.

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫЙ

Неопытный сотрудник молодой
Расспрашивал другого,
Преуспевающего, опытного
И немолодого:
— Секрет открой,
Как ты таких
Больших успехов на работе
Добивался?
Стремительно по лестнице
Служебной поднимался?
— Был верен правилу
Я одному
Всегда:
Не возражал
Начальству никогда,
Наоборот, во всем поддакивал
И соглашался!

Хочется спросить автора этой миниатюры, проинтервьюировать его: когда вы ее завершили, было ли у вас чувство, что вы действительно нанесли подхалиму сатирический удар, обличили его, продернули, пропесочили? Ведь, в сущности, смысл вашего стихотворения в том, что подхалим всегда во всем поддакивает начальству. Но кто в этом сомневался до вас?

«ЛЮБИТЕЛЬ» ПРИРОДЫ

Он так природу уважал,
Так на природе упивался,
Что часто и не замечал,
Как... в вытрезвитель
Доставлялся!

Просто интересно узнать, на что рассчитывал автор-сатирик, высказывая мысль, что алкоголики доставляются в вытрезвитель. Он мог ожидать всего, но только не смеха. Не думал же он, что читатели будут, хохоча, пересказывать его стихи о «любителе» и вытрезвителе: вы слышали?

Я не хочу сказать, что все стихи этой книжки на том же уровне, что и приведенные здесь. Есть и более удачные, вернее, менее неудачные. Но в целом книжка представляет собой весьма распространенную в современной юмористике традицию несмешного смеха.

Вторая книжка нашего обозрения — Валерий Савальев. «Спящая Венера». «Почти детективная история». Симферополь, 1987 г. Это уже не миниатюры и юморески, а большой роман.

Известно, что романы бывают самые разнообразные — от изощренно-психологического до откровенно-производственного. Здесь же перед нами совершенно особый случай: роман сексуально-педагогический.

Все начинается с того, что учитель Роман Петрович Идеалов (читатель сразу смекает, что перед ним герой сугубо положительный) увидел картину Джорджоне «Спящая Венера». В его голове что-то «перевернулось» И потянуло его «ко всем женщинам сразу. Представляете? По всем направлениям! Во все четыре стороны!». Но в то же время в каждой женщине ему недостает Венеры. И все это будет продолжаться до тех пор, пока в школе не появится новая учительница Вера Сергеевна. Сначала она имеет довольно невзрачный вид, похожа на «ходячий скелет». «Судя по ногам и рукам, торчащим из платьица, тело Веры Сергеевны состояло из костей, прикрытых беловатой кожицей». Однако под влиянием любовного вдохновения все в героине начинает изменяться — «округлялись руки, округлялись ноги, округлялось лицо, округлялся бюст. От бурно развивавшейся телесности платье Веры Сергеевны треснуло. И шелковая комбинация треснула». Кончается роман тем, что Роман Идеалов и роскошно раздобревшая Вера Сергеевна соединяют свои судьбы.

Вторая линия романа — педагогическая. Идеалов в свободное от поисков Венеры время смело выступает против очковтирательства, завышения отметок, всякого рода липы в школьном деле. Его главный противник — директор Малоозерской школы Иван Иванович Воробьин — бюрократ, делец и самоснабженец. Он требует, чтобы двоечникам завышали отметки. В общем, если Идеалов состоит из достоинств — смел, активен, принципиален, то Воробьин — сплошные пороки: хитер, нечист на руку, беспринципен.

Как же совмещаются друг с другом эти две линии — сексуальная и педагогическая? А очень просто.

Заведующий роно Жукин вызвал инспектора Котову. Он забрасывает ее вопросами о школьных отметках в Малоозерской школе. И при этом старается «абстрагироваться от загорелых спортивных ног своей подчиненной. А ноги, стройные, гладкие, молодой кожей шоколадно поблескивали. Прямо посередине кабинета». Жукин повышает на Котову голос, «злясь на шоколадные ноги». Она пугается, бледнеет, ее «ноги из шоколадных сделались молочными». В общем, можно сказать, что в этой сцене ноги Котовой — главное действующее лицо.

Так и идет повествование: с одной стороны, округляются руки, ноги и бюсты, с другой — незаконно повышаются отметки. В общем, педагогика с грехом пополам.

Однако мы еще не сказали самого главного. Как написано в аннотации, «Спящая Венера»—«сатирический роман, в котором автор, учитель по профессии, на материале из жизни школы высмеивает очковтирательство. ханжество, бюрократизм». Как достигается смех?

Мы видели, что, когда Вера Сергеевна начинает «округляться», с нее спадает платье — «Школьный двор дружно ахнул. И Роман Петрович ахнул». Перед ахнувшими зрителями — живая Венера.

Этот прием очень полюбился автору. Идеалов должен завысить оценку отстающему ученику. От волнения у него затрещали по швам рубашка и брюки. И он предстает перед учениками, похожий не на Венеру, а на Давида. Ну, естественно, созерцая героев в раздетом или полуодетом виде, остальные просто помирают со смеху.

Тут нам надо сделать одно небольшое отступление.

Что такое хороший писатель? Я думаю, одно из возможных определений: хороший писатель — такой, который не считает читателя глупее себя. А если говорить о юмористе, он никогда не должен рассуждать так: это, мол, конечно, для меня не смешно, но читатель, я уверен, животик надорвет. А в результате — ничего подобного, тысячи читателей юмористических романов и повестей ходят с ненадорванными животиками. В том числе и читатели «Спящей Венеры».

Роман открывается напутственным словом Аркадия Арканова — оно завершается так: «Несмотря на большой груз проблем, поднятых автором, роман гармоничен, светел и оптимистичен. Как и время, в которое книга выходит к читателю».

Аркадий Арканов — один из лучших наших юмористов-сатириков. Но согласиться с ним трудно. И нынешнее время не столь «гармонично»— оно исполнено внутреннего напряжения и драматичности. И роман «Спящая Венера» далеко не заслуживает тех «светлых» эпитетов, какими наградил его автор предисловия.

Вступительная статеечка эта мало что дает для действительного представления о романе «Спящая Венера». Но она обогащает образ самого А. Арканова: суровый сатирик, как мы убедились, бывает и на редкость добрым...

Третья книжка нашего обзора: «Серьезный разговор»—«Стихи, басни, фельетоны, пьесы, песни, рассказы» (Москва, Военное издательство, 1987 г.). Здесь представлен большой коллектив авторов. Материал настолько разнообразен, что встречаются даже и смешные вещи. Остроумно написан, например, рассказ И. Иванюка «Поручение»: о том, как задание — провести вечер вопросов и ответов, переданное по инстанциям, неузнаваемо изменяется, слова приобретают другой смысл (наш краткий отзыв, конечно, не передает всего юмора этого рассказа). Но таких вещей мало. «Поручение», скорее, исключение.

А главное — дает себя знать все та же сатира как некое показное, декоративное начало.

Как-то я зашел в кондитерский магазин. Спрашиваю у продавщицы: «Есть коробки конфет?» Отвечает: «Нет». А на прилавке, вижу, роскошная коробка. Спрашиваю: «А это?» Продавщица привычно-скучным голосом говорит: «А это бутафория».

Бутафория — предметы для выставки в витринах, служащие для замены настоящих вещей. Футляр без содержания — вот что такое бутафория.

Говоря военным языком, сатира может быть боевой техникой или же всего лишь пиротехникой.

Рассказ В. Уражцева «Пора разобраться» — своего рода наглядное пособие для темы — мнимая сатира.

Старшина роты сурово выговаривает рядовому Спиридонову. У него во всем «порядок идеальный». По стрельбе — пятерка, и вообще — «Все чистенько, все аккуратно». Старшина возмущается: «Сегодня провожу совещание с сержантами и не знаю, о каких недостатках им говорить».

Катилась-катилась наша сатира и докатилась до того, что стала уверять: наш недостаток в том, что никаких недостатков нет!

Сходный сюжет в рассказе В. Ландо «Непредвиденное обстоятельство». На съемках нового фильма солдаты-гвардейцы так великолепно сражаются, что срывают ход съемки, за что их сердечно благодарит режиссер: «Вы настоящие артисты в своем деле!»

Не просто не смешно, а я бы сказал, старательно не смешно написан рассказ «Ключик» И. Червякова (об одном нерадивом солдате — после того, как он был снят в кино, он «стал изменяться к лучшему»). Я бы этот рассказ И. Червякова в сборник не включал. Но составитель — тот же И. Червяков — включил. Что ж, как говорится, хозяин-барин...

В пьесе Маяковского «Баня» один из приближенных «главначпупса», руководя искусством, говорит: «Сделайте нам красиво».

Большинство авторов книжек сатиры и юмора, упомянутых здесь, безуспешно пытались «сделать нам смешно». К сожалению, не они одни.

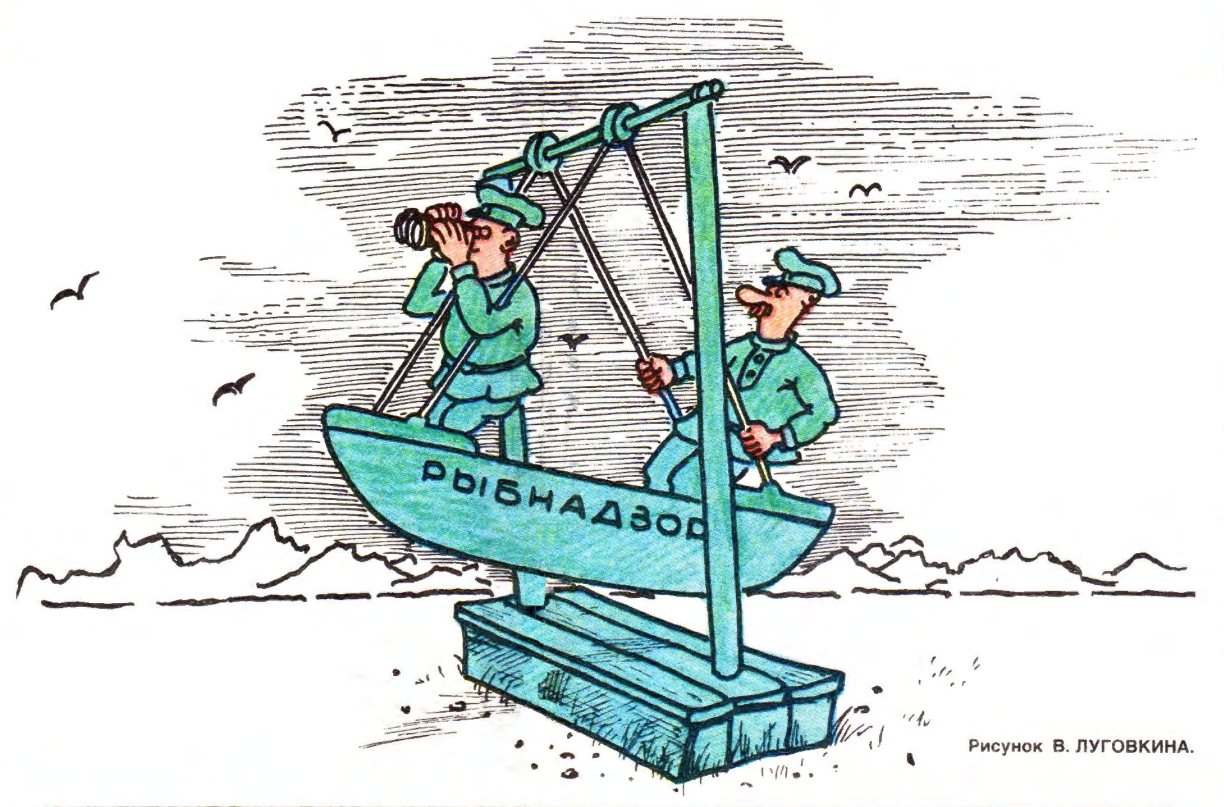

Рисунок В. ЛУГОВКИНА.

Рисунок С. БОГАЧЕВА.

Рисунок С. СПАССКОГО.

А. И. КУПРИН

ДРУЖОЧКИ

Известно, как относился Александр Иванович Куприн к Максиму Горькому: он посвятил ему свой «Поединок». Но Куприн умел и подшутить над собратьями по перу: примером тому и является пародия.

I

В тени городского общественного, устроенного для маленьких нужд павильона лежали мы втроем: я, Мальва и Челкаш.

Длинный, худой, весь ноздреватый — Челкаш был похож на сильную хищную птицу. Он лениво почесывал босой грязной пяткой икру на другой ноге и сочно сплевывал на сторону.

Мальва была прекрасна. Сквозь дыры старых лохмотьев белела ее ослепительная шкура. Правда, отсутствие носа красноречиво намекало о ее прежних маленьких заблуждениях, а густой рыбный запах, исходивший от ее одежды на тридцать пять сажен в окружности, не оставлял сомнений в ее ремесле: она занималась потрошением рыбы на заводе купца Деревякина. Но все равно я видел ее прекрасной.

II

— Все чушь! — сказал хрипло Челкаш. — И смерть чушь, и жизнь чушь. И скажу прямо, в лицо всем хамам и буржуям: черного кобеля не отмоешь добела.

Мальва хихикнула и в виде ласки треснула Челкаша ладонью по животу.

— Ишь ты... кокетка! — промолвил Челкаш снисходительно. — И еще скажу. Влез бы я на Исаакиевский собор или на памятник Петра Великого и плюнул бы на все. Вот говорят Толстой, Толстой. И тоже носятся с Достоевским. А по-моему, они мещане...

III

— Резал я одного купца,— продолжал Челкаш сонно. — Толстый был. Пудов в десять, а то и в двенадцать. Кабан. Ну, освежевал я его... там всякие кишки, печенки... сальник один был в полтора пуда... Купца ежели резать — всегда начинай с живота. Дух у него легкий, сейчас вон выйдет...

— Известно,— сказал я.

Челкаш поглядел на меня пристально и жестко усмехнулся.

— А ты прежде отца в петлю не суйся... — сказал он с расстановкой.— Твоя речь впереди...

Потом пошел я на его могилу. И такое меня зло взяло. «Подлец ты, подлец!» — думаю. И харкнул ему на могилу.

— Все дозволено,— произнесла Мальва.

— Аминь,— подтвердил Челкаш набожно. — Так говорит Заратустра.

IV

Стало вечереть. От пахучего павильона легла длинная тень. Мальва, которая до сих пор внимательно занималась исследованием гущи своих волос, вдруг зевнула и сказала томно:

— Пойдем, что ли, Челкаш?

— Ну-к что ж, пойдем... — Он поднялся и потянулся.

— Прощай, что ли, товарищ,— обратился он ко мне. — Увидимся, так увидимся, а не увидимся, так и черт с тобою. Страсть меня как эти самые бабы любят. Вроде меду.

Они ушли — оба молодые, стройные, гордые... Я все еще лежал в тени городского павильона. Звенело солнце, и смеялось море тысячами улыбок...

«Падающего толкни!» — подумал я, встал, плюнул еще раз и поплелся в ночлежку.

«Дешевая юмористическая библиотека «Сатирикона», 1911 г.

Леонид АНДРЕЕВ

ИСКРЕННИЙ СМЕХ

Рассказ веселого человека

Рассказ Л. Андреева был опубликован в 1910 году на страницах «Сатирикона». Перепечатываем его с сокращением.

Только раз в жизни я так смеялся.

Это не была та натянутая улыбка, с которой мы выслушиваем анекдоты друзей и в морщинках смеха вокруг глаз прячем не веселье, а неловкость и даже стыд; это не был даже смех сангвиника — продолжительный, раскатисто-свободный грохот, которому завидуют прохожие и соседи по вагону,— это был хохот, властно овладевший не только лицом, но всем моим телом. Он полчаса душил меня, и бил, как в коклюше, он выворачивал меня наизнанку, бросал на траву, на постель, выворачивал руки и ноги, сокращал мускулы в таких жестоких судорогах, что окружающие уже стали опасаться за мою жизнь. Чуждый притворства, искренний до глубины души,— это был тот редкий и счастливый смех, который оставляет светлый след на всю вашу жизнь, и в самой глубокой старости, когда все уже пережито, похоронено, забыто,— вызывает отраженную улыбку.

Смешной случай, о котором я хочу рассказать, произошел очень давно. Десятки лет проползли над моей головою и стерли с нее все волосы, но уже ни разу я так не смеялся — ни разу! — хотя вовсе не принадлежу к числу людей мрачных, по самой природе своей не отзывчивых на смешное. Есть такие люди, и мне их душевно жаль. Так как искренний, чистый и приятный смех, даже только веселая, но искренняя улыбка составляют одно из украшений жизни, быть может, даже наивысшую ценность ее.

Нет, я совсем другой, я веселый человек! Я люблю юмористические журналы, вроде нашего «Сатирикона», остроумную карикатуру и крепко просоленный, как голландская селедка, анекдот; бываю в театре легкой комедии и даже не прочь заглянуть в кинематограф: там попадаются не лишенные юмора вещицы.

Случай, о котором я рассказываю и который сейчас, при одном только воспоминании, вызывает у меня неудержимый хохот, не представляет собою, как увидите, что-либо исключительное. Да это и не нужно. Все исключительное поражает ум, а от ума идет смех холодный и не совсем искренний, ибо ум всегда двуличен; для искреннего смеха необходимо что-нибудь совсем простое, ясное, как день, бесхитростное, как палец, но палец, поставленный в условия высшего комизма.

Ни элементов холодной сатиры, ни игры слов, претендующей на остроумие, ни морали — и это самое главное! — не найдете вы в «моем случае», и только поэтому, быть может, «мой случай» так невероятно смешон, так полно захватывает вас и отдает во власть искреннейшему смеху. И еще одна важная особенность моего смешного случая: рассказан он может быть в нескольких словах, но представлять его вы можете бесконечно, и с каждым разом ваше представление будет все ярче, и смех все неудержимее и полнее.

Я знаю, что некоторые, вначале даже не улыбнувшиеся при моем рассказе, под конец изнемогали от смеха и даже заболевали; и уже не рады были, что услыхали, но забыть не могли. Есть какая-то незатейливость в этом комическом случае — жаловались они: он лезет в голову, садится на память, как та всемирно известная муха, которую нельзя согнать с носа, щекочет где-то под языком, вызывая даже слюнотечение; думаешь отделаться от него, рассказав знакомому, но чем больше рассказываешь, тем больше хочется — ужасно!

Но предисловие, я вижу, разрослось больше, чем следует, перехожу прямо к рассказу. В коротких словах, дело в следующем...

Впрочем, еще одна оговорка, я умышленно избегаю многословия, так как в таких случаях одно лишнее, даже удачное слово может только ослабить впечатление, глубоко комического, и придать всему рассказу характер все той же неприятной нарочитости.

Нет, дело было очень просто.

Моя бабушка, идя по садовой дорожке, наткнулась на протянутую веревку и упала, носом прямо в песок. **И дело-то в том, что веревку протянул я сам!**

Да. Мало смеха в жизни, и так редко встречается случай искренне посмеяться!

Подготовил к печати В. СУРМИЛО.

—КАК ВЫ МЕНЯ ВЫГНАЛИ ИЗ БРИГАДЫ, С ТЕХ ПОР ПО КООПЕРАТИВАМ И МУЧАЮСЬ!..

Рисунок В. ДМИТРЮКА.

ИТД и т. п.

Семен ЛИВШИН

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, или ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Наконец-то! Рухнули препоны, и широким потоком растеклась по стране кооперативная мысль. Тут возникла семейная чайная, рядом — компьютерная, за углом ремонт авто, через дорогу — катание на кооперативных скакунах. Еще немного, и рухнет извечная монополия природы. На одной стороне улицы — слякоть, мелкий дождик, окурки в лужах. На другой — яркий солнечный денек, морские дуновения и всепогодный кооператив «Гидромет». В общем, могут, когда хотят! Если, конечно, разрешат.

Ибо как широко ни раскрывают теперь объятия инициативным людям, хватка у многих обнимающих прежняя: мертвая. Умертвление инициативы идет с бодрыми лозунгами «Даешь!». Еще недавно полезное дело можно было угробить под тем предлогом, что это совершенно не наш принцип — вкусно есть и носить модные вещи. Теперь стараются удушить. Способствуя, гладят по головке, но до крови. И все для того, чтобы оградить население от ну ни капельки ему не нужных услуг и товаров.

— Нет уж,— ласково усмехается местное начальство,— давайте-ка лучше мы вместе вам решим, какие услуги развивать, а какие уничто... гм... не поощрять.

Если на месте чего решат, то сделают обязательно. Что бы там ни говорили про демократию, а круглой печатью и размашистой подписью по-прежнему владеет он, властный Аппарат Аппаратыч. В том числе — и в г. Курганинске. Там с благословения районной комиссии по ИТД семья Филоненко решила открыть кафе и придумала меню из 49 блюд. Тут в Аппарате что-то щелкнуло, и на сладкое кооператорам выдали: «Нет!»

Эта кулинарная драма была описана в № 1 «Крокодила», в фельетоне «Закон районного тяготения». Теперь можно добавить: «...и краевого». Потому что за подписью замначальника краевого финансового управления И. Перонко прибыл в редакцию ответ, выдержанный в суровых традициях этого закона. Небольшая рихтовка формулировок, и дело уже выглядит так, что «Незабудка» зачахла сама собой («...коллектив кафе распался»). Райисполком же, напротив, гнул правильную линию, угробив первое в Краснодарском крае кооперативное кафе («...в его составе все члены, работающие в общественном питании»). К тому же, если верить ответу, кооператоры с облегчением вздохнули, узнав о погибели своего детища.

— Мы?! — задохнулся от обиды Николай Иванович Филоненко.— Если бы не фельетон, нам бы даже деньги не вернули, вложенные в «Незабудку». Но не в деньгах дело — идею жалко. Предложили мы, например, восстановить сгоревшую шашлычную и открыть там кооперативное кафе — снова от ворот поворот.

При желании в этих воротах можно проделать калитку. А можно и наглухо заколотить. Так и поступили в Курганинске — с одобрения краевых инстанций. Мол, не было у нас отродясь кооперативных харчевен и не будет! Почему? Потому что потому... э-э... О! Нет у нас в районе для этого сырья. Вот!

Вот-вот: это на благодатной кубанской земле, в которую воткни оглоблю — вырастет вишня. Где сады и огороды ломятся от потенциальных салатов и винегретов. Но если вкопать в эту почву канцелярский стол, ничего, кроме новых запретов, не вырастет. Канцелярию хлебом не корми — дай повластвовать! Пусть в соседних районах вовсю куховарят десятки кооперативных кафе — нам они не указ. Пусть кооператоры края выдали за год на миллион с хвостиком продукции — мы сами с усами. По этим усам текло, рядовым курганинцам в рот так и не попало.

Будь это только в одном городке или только в одном крае, еще полбеды. Но вот что пишет А. П. Суховерхов из Новочеркасска Ростовской области: «Наш кооператив № 5 организовал секцию индивидуальных такси. Обслуживание населения осуществлялось по нарядной системе, аналогичной государственной. Многие водители стали членами этого кооператива... Однако с 1 декабря 1987 г. нашему кооперативу запретили обслуживание населения в качестве такси. Мотивировка достойна вашей рубрики «Нарочно не придумаешь»: **«...перевозка пассажиров личным транспортом без заказов населения как такси к бытовым услугам не относится, а осуществляется в порядке индивидуальной трудовой деятельности и государственными учреждениями» (!).** Это абсурдное решение подписал зам. председателя городской комиссии по ИТД Р. Г. Кройтор.

Так почему же нас закрыли? Все стало ясно после опубликования в городской газете «Знамя коммуны» статьи нач. таксопарка тов. Соцкого А. Н. «Полюсы личного такси». В ней он ратует за ограничение числа индивидуальных таксистов, т. к. «большое их количество отрицательно сказывается на плане его подопечных».

А вот еще один поистине анекдотический факт. Как вы думаете, на каком основании можно отказать человеку заниматься звукозаписью? Возгораемость? Протесты соседей? Нет и еще раз нет! Е. Г. Устименко отшили от благородного дела звукозаписи как бы в его собственных интересах. Дважды он обращался к местным властям, и дважды председатель городской комиссии по вопросам кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности граждан Норильского промышленного района Б. А. Тонких отвечал отказом.

Почему? А вот почему: **«...в связи с отсутствием необходимости развития этого вида услуги в сфере индивидуальной трудовой деятельности в Норильском промышленном районе»!**

Как видно, весь Норильск и его окрестности охвачены настолько густой сетью казенной звукозаписи, что частнику нечего и соваться. Не заработает он ни гроша. Но почему о заработке тов. Устименко так печется тов. Тонких? Почему запретительство стало главным в работе этой и других комиссий по кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности?

Столько лет от чьей-то левой ноги зависело, сеять ли пшеницу или полоть ананасы. В случае хорошего урожая — и мы пахали, и орденок к именинам. Не получилось — виноваты природные условия и подчиненные. Хочу — запрещу Шостаковича, хочу — Тарковского. Даже наша планета вращалась, как казалось чиновнику, в точном соответствии с указаниями аппарата.

И вдруг он, Аппарат Аппаратыч, сам по себе, а жизнь — сама по себе. Понабежало множество кооператоров и нагло конкурируют с ленивым общепитом, с ледащими строителями, которые еще не отдышались после успешного ввода в строй второй очереди, а уже первую пора ставить на ремонт. С медиками, швейниками, таксистами, кассирами, которые привыкли к мысли: не кассы для масс, а массы для касс. Тут и не захочешь, а рука сама выведет на заявлении: «В интересах развития — запретить».

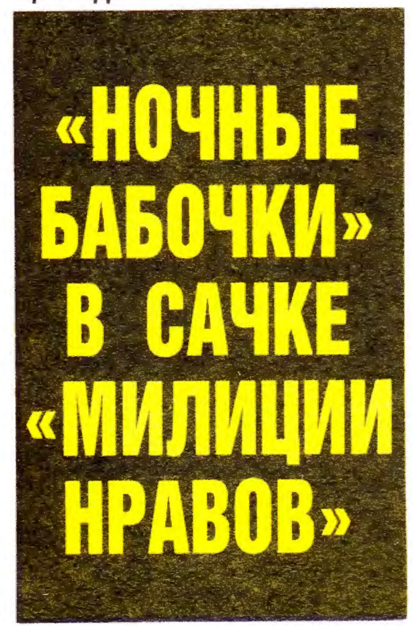
Недавно на девятой сессии Верховного Совета СССР принят Закон о кооперации в СССР. Закон, который четко провозглашает: все, что не запрещено в самом законе,— разрешено.

Закон выбивает почву из-под ног чиновника: теперь он не властен запретить. Ведь именно слово «нет» было сокрушительным оружием его властолюбия, могучим средством подчинять людей своей воле. Как же теперь он сможет показывать свое могущество?

Впрочем, чиновник изворотлив и хитер. Приспособляемость к обстоятельствам — неотъемлемая черта его характера. Неужели и на этот раз придумает выход там, где людям видится вход.?

Леонид НИКИТИНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

«НОЧНЫЕ БАБОЧКИ» В САЧКЕ «МИЛИЦИИ НРАВОВ»

О милиции нравов велись откровенные споры в советской печати в 1922 году в связи с распространением проституции, вензаболеваний и в связи с ростом — по выражению горячей участницы дискуссий Клары Цеткин — «нравственного одичания«. Еще через шестьдесят пять лет это словосочетание вспомнил в журнале «Крокодил» № 9 за 1987 год наш специальный корреспондент В. Витальев, опубликовавший фельетон «Чума любви». В том же, 1987 году подразделение под такой вывеской, правда, пока неофициально, было создано в г. Риге.

* * *

В кафе «Зелта руденс» («Золотая осень») царит расслабляющий полумрак, и в этом призрачном освещении не сразу увидишь за крайним столиком на балконе молодую даму с умным, усталым, выдающим искушенность в человеческих пороках лицом.

Свой ежевечерний коктейль она тянет обычно в одиночестве.

Перед нами Гундега, известная не только в Риге, но и очень далеко за ее пределами. Каждый североафриканский матрос, прибывающий в Ригу, в первую же увольнительную спешит в «Зелта руденс». А уж Гундега знает, какая Красная Шапочка нужна оголодавшему морскому волку и почем. С капитанского мостика балкона всматривается она в зал, прикидывая, кто нынче на вахте: Аудра, Дайга, Сармите, Рудзите, Сильвия, Илона, Марта, Иветта, оставившая на попечение швейцара коляску с восьмимесячным малюткой, или недавно зачисленные в команду «юнги» Элла, Лена, Гита, или, наконец, несколько диссонирующий с этим цветущим девичником Вадим.

В делах приемника-распределителя при Рижском ГУВД хранится не одна поучительная автобиография, рисующая путь от шикарного номера в интуристовском отеле до кучи тряпья в подвале возле трубы парового отопления. Вот это-то и подвигло главу приемника М. Дубовицкого выступить с инициативой о создании «милиции нравов».

Могу засвидетельствовать лично, что первые результаты деятельности «милиции нравов» уже налицо: во всяком случае, в кафе «Зелта руденс» теперь можно войти с нормальной целью просто поужинать. Сделали свое дело еженедельные рейды и облавы, повергающие жриц любви в паническое бегство, ибо встреча с милицией грозит им процедурой проверки на СПИД. Но праздновать даже первую победу над проституцией было бы пока самонадеянно.

У работников приемника-распределителя нет опыта проведения дознания по конкретным делам, нет контактов с другими милицейскими службами города, нет физических сил заниматься чем-либо, кроме набегов на кафе и душеспасительных бесед. Их всего раз-два и обчелся, инспекторов, а наблюдательных дел в сейфах «милиции нравов» уже триста.

МВД Латвии, милостиво разрешив энтузиастам создать «милицию нравов» в пределах их фонда зарплаты, видимо, посчитало, что борьбу с проституцией можно вычеркнуть из списка нерешенных проблем. Не проявляет интереса к этой проблеме комсомол Латвии, членами которого числятся многие проститутки, не интересуется ею школа, за чьими партами девочки дремлют после «ночной смены», а республиканский Минздрав невозмутимо подводит баланс: заболеваемость сифилисом среди подростков от 15 до 17 лет за последние два года выросла в 2,5 раза, гонореей -- в 9 раз, причем ежегодно после летнего «сезона любви» эти цифры подскакивают вдвое.

В МВД СССР считают, что с проституцией надо бороться не по-любительски, а путем координации действий отдельных служб: от участковых инспекторов и патрулей охраны общественного порядка до отделов по борьбе с бандитизмом. Действительно, проституция, сама по себе не фигурирующая в Уголовном кодексе, создает исключительно плодородную почву не только для распространения вензаболеваний и СПИДа, но и для прочей преступности. Тут милиции карты в руки.

По распоряжению МВД СССР в 53 крупных городах страны созданы специальные комплексные подразделения для борьбы с проституцией. Однако настораживает тот факт, что они ориентированы более на так называемых путан. Но разве это решение проблемы? Выходит, зарубежных гостей надо охранять, в том числе и от зловещего СПИДа, а своих нет? А может, наоборот, наших девушек, пусть даже и не вполне невинных, следовало бы охранять от некоторых зарубежных гостей?

Спецподразделения по борьбе с проституцией попали в орбиту уголовного розыска, хотя некоторые детективы-розыскники считают, что им более пристало воевать с уголовниками, чем с превосходящими силами развеселой армии в юбках. Но ничего не поделаешь! Древнейшая профессия — смежница преступности. Другое дело, что борьбу за женское достоинство можно вести широким фронтом, используя все милицейские службы. Почему бы не активизировать в этом направлении деятельность детских комнат милиции — ведь малолетняя проституция, увы, установленный факт.

Не будем лицемерить и делать вид, что нам известна некая панацея в борьбе с этим позорным и опасным явлением. Если честно, нет готовых рецептов не только в отечественной, но и в мировой практике, не выработала их и Международная федерация аболиционистов — неправительственная организация при ООН, собиравшаяся на свой последний конгресс в Штутгарте «Проституция — угроза человечеству» осенью прошлого года.

Тут надо бы поискать нестандартное решение. Я вижу его, в частности, в создании эффективной антирекламы проституции. Что если без ложного стыда с газетных полос и с телеэкранов, с красочных плакатов на вокзалах, в ресторанах и гостиницах говорить населению без различия половозрастного признака об опасности вензаболеваний и СПИДа? Рассказывать, как это сделала в № 17 «Крокодила» наш специальный корреспондент И. Скоробогатова, о тех эксцессах и преступлениях, которые сопровождают проституцию. «Антирекламой» могли бы всерьез заняться органы МВД, накопившие опыт аналогичной работы в службе ГАИ, Минздрав с его профилактической информацией и авторитетом, Госкомитет по народному образованию, располагающий ежедневной возможностью обратиться к каждому школьнику, учащемуся ПТУ и студенту.

«Падшие женщины» — так, между прочим, называли проституток прежние «абстрактные» гуманисты. Отсюда принцип: упавшего не добивать, наоборот, помочь ему подняться. Полезным бы стало и общественное движение, вроде борьбы за трезвость, только в более деликатной форме. Пусть примут в нем участие женсоветы, молодежные неформальные организации и все, кому дорого моральное здоровье народа. В самом деле, разве нравственность меньше нуждается в защите, чем памятники зодчества и природа?

Рига — Москва.

УГОЛОК ДУБОВА

В ОЖИДАНИИ ТРЕТЬЕГО...

К нам возвращается Александр Галич. Весь прошлый год по Москве бродили слухи, что КСП — клуб самодеятельной песни — проводит вечер его памяти; имя Галича мелькнуло в «Московских новостях», в «Сельской молодежи», появились подборки в «Октябре», «Новом мире», «Знамени»...

Галич... Мальчик из предвоенного поколения, участник знаменитой театральной студии В. Плучека и А. Арбузова, соавтор спектакля «Город на заре». Затем, спустя годы — известный драматург и киносценарист. И вдруг в зрелом возрасте Галич бросает все, чтоб сочинять и исполнять под гитару песни. Сочинял, исполнял, боролся — как мог. Сначала с эстрады, после, когда запретили, выступал по квартирам...

Помню, как один известный режиссер и критик, честный человек, отмахивался, не желая даже говорить про эти песни: «Ах, бросьте, я Сашу знаю сто лет — преуспевающий драматург, богатый человек. Ищет дешевую популярность, вот и все...»

Видите, как все просто!

Больше десяти лет прошло со дня его смерти, и все-таки он возвращается с чужбины. Одна из ярких примет этого — спектакль «Когда я вернусь» по произведениям А. Галича в московском театре песни «Третье направление», поставленный О. Кудряшовым.

Об этом событии и хотелось бы поговорить подробнее. Прежде всего молодые артисты «Третьего направления» — молодцы! Ведь спектакль задуман был и готовился еще до появления имени опального поэта в печати. Это, что ни говорите, поступок!..

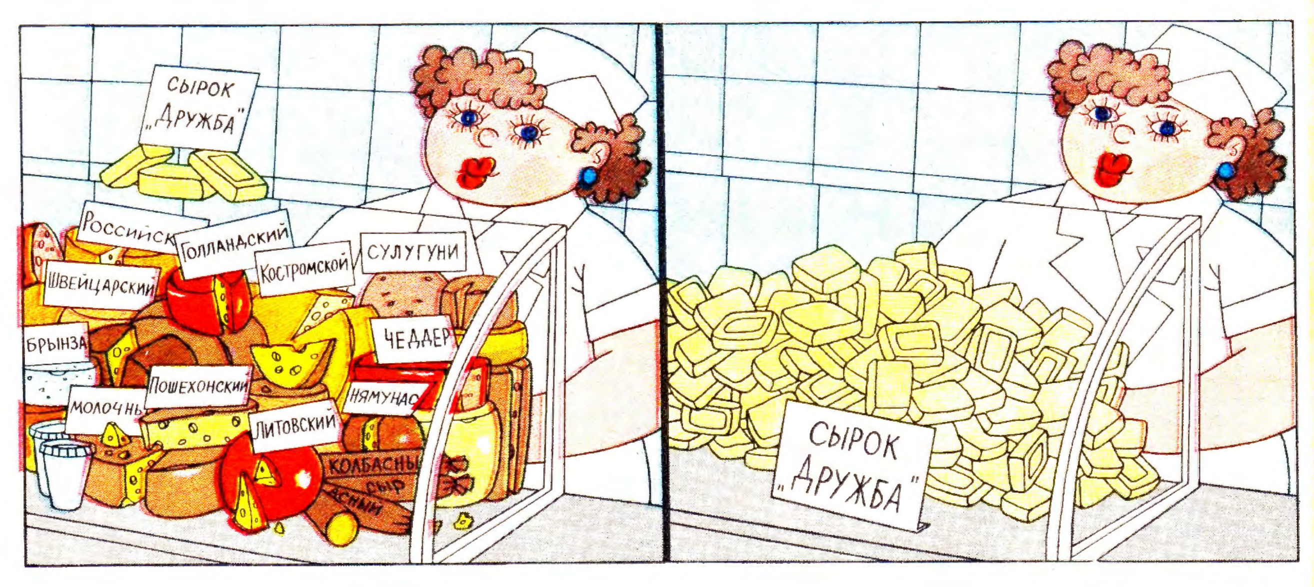
«Когда я вернусь» сделан искренне, увлеченно. Спасибо Союзу композиторов РСФСР, приютившему у себя молодую студию, спасибо коллективу, сделавшему шаг на пути возвращения нам творческого наследия Александра Галича.

Но, конечно, шаг этот — только начальный. Ведь «Когда я вернусь», не обладая какой-либо особо глубокой драматургией, представляет собой, по сути, цепь песен-сценок, то есть построен по типу давней знаменитой товстоноговской «Зримой песни». А ведь с тех пор прошло более двадцати лет, нужны, наверное, новые средства и методы, чтобы спектакль был интересен не только своей остротой, «запахом жареного», а и тогда, когда творчество Галича будет растиражировано книгами и пластинками. Вот уже и сейчас зрители шушукаются в зале прямо посреди действия: «Эти стихи из «Октября», эти из «Нового мира». А было бы интересно нам сейчас аналогичное, достаточно лобовое обозрение по песням, к примеру, Б. Окуджавы?..

Увы, театр не может тягаться с прессой и телевидением, да и не должен — другие у него задачи. Следующий шаг на пути освоения наследия Галича — проникновение в следующий его пласт, достижение более высокой степени художественности.

«Когда я вернусь» — вторая работа «Третьего направления». Будем с нетерпением ждать третьей.

С. ХАЗАНОВ.

ПОБЕДИЛА «ДРУЖБА»

Рисунок В. ПОЛУХИНА.

Александр МАТЮШКИН-ГЕРКЕ

БУМЕРАНГ

Пародия

«На сливе вызревает слово «слива»...
Александр ГРИШИН.

Я шел домой, довольный и счастливый,
Но что-то в бок меня толкнуло вдруг
И потянуло в магазин, за сливой
(Я с детства обожаю этот фрукт).
Там продавцы осклабились игриво
И, хитренькими глазками юля,
Сказали хором: «СЛИВА», «СЛИВА», «СЛИВА»,
Содрав с меня за это три рубля.
Какое вопиющее нахальство!

Поступок продавцов меня взбесил.
Я вызвал магазинное начальство
И жалобную книгу попросил.
— А разве,— отвечают мне сурово,—
Вы не слыхали, что сказал поэт?
На сливах нынче вызрело лишь слово;
Самих же слив, увы, в продаже нет.

г. Ленинград.

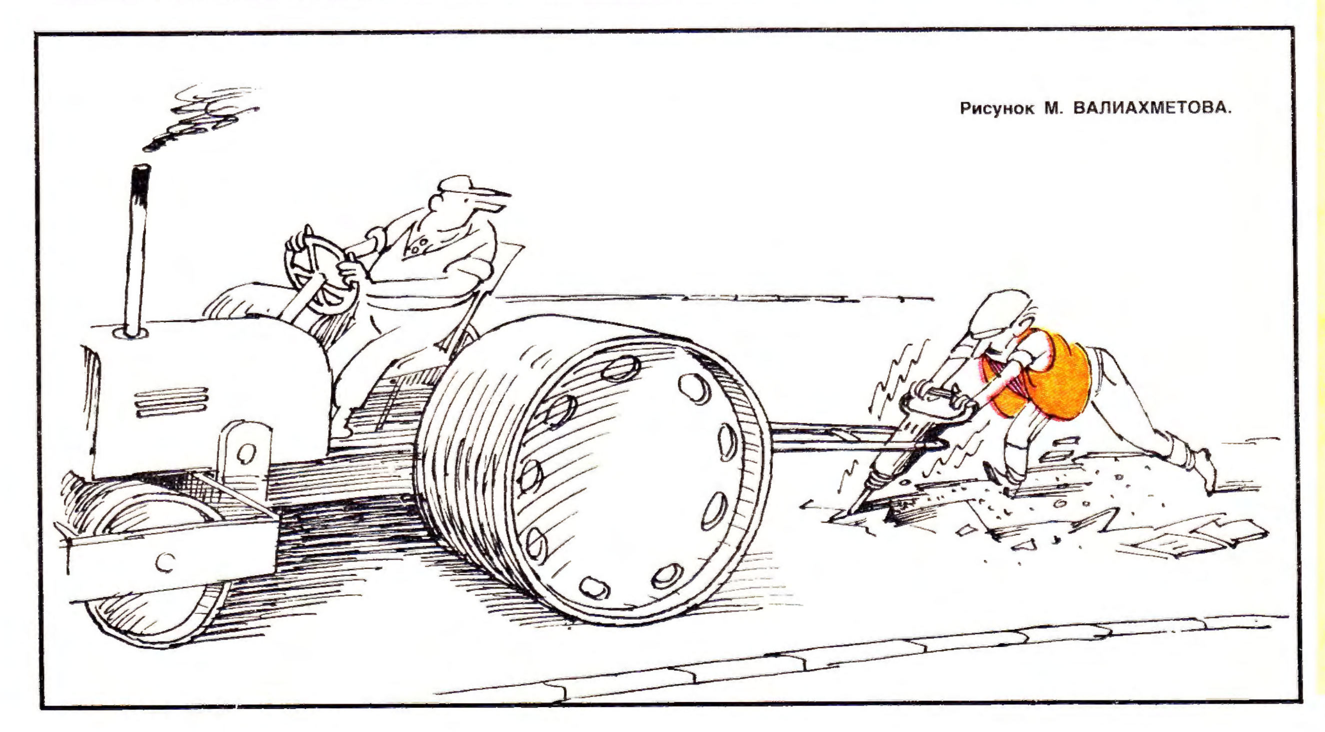

Рисунок М. ВАЛИАХМЕТОВА.

Анна АРБАТОВА

МОИ МУЖЬЯ

Рассказ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мой первый муж, высокий, красивый мужчина, работал полотером в кафе. Жили мы счастливо. У него была только одна слабость: он очень много ел. Обедал он каждые 20 минут, причем требовал себе и первое, и второе, и третье. Кроме того, первое, второе и третье он также приносил и домой.

Мужа несколько раз пытались уволить с работы за воровство, но всегда сослуживцы брали его на поруки.

Я умоляла его обедать пореже и ничего домой не приносить. Но муж не соглашался.

Кончил мой первый муж плохо: он умер от голода на читательской конференции, которая проходила в помещении кафе. На этой конференции читалась вслух книга писателя Г. «Дума о преступлениях и наказаниях». Главный герой этой книги много лет занимался хищениями, но в последней главе он перевоспитывается.

Чтение «Думы» продолжалось четыре часа, а мужу неудобно было при этом жевать.

Врачи констатировали гибель от истощения.

Поначалу я была безутешна.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Со вторым мужем я познакомилась в платяном шкафу. Открываю я мой большой платяной шкаф и вижу, что там, прижавшись к стене, стоит высокий, красивый мужчина с отмычкой в руках.

— Извините,— говорит.— Я приехал из Киева, и мне негде остановиться. А знакомые рассказали, что у вас такой большой платяной шкаф.

Потом он взглянул на меня и пригласил на новый детективный фильм. На следующее утро мы поженились. Жили мы счастливо.

Но в конце концов муж украл очень холодное зимнее пальто, стал его носить и простудился. Во время его болезни я сидела у изголовья и читала ему «Думу о преступлениях и наказаниях». Но до последней главы мы так и не добрались, так как муж подал в суд на хозяина пальто. Муж считал, что хозяин должен заплатить ему за дни, проведенные дома по болезни.

Кончил мой второй муж плохо. На суде обратили внимание, что он украл пальто, обвинили в воровстве, и с этих пор я его больше не видела.

Я была безутешна. Последнюю главу «Думы» я уже перечитывала одна, без мужа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поначалу мы с ним жили счастливо. Мой третий муж, высокий, красивый мужчина, имел только одну слабость: он коллекционировал уличные фонари.

— Жена, я опять офонарел! — говорил он мне, счастливо улыбаясь и показывая очередной, похищенный где-то фонарь.

Кончил он плохо.

В конце концов он украл фонарь из палисадника писателя Г., так как ему не понравилась книга «Дума о преступлениях и наказаниях».

Писатель Г., высокий, красивый мужчина, погнался за ним. Больше я своего мужа не видела. Мой муж бежал из нашего города.

После бегства мужа я пошла к писателю Г. и рассказала всю мою историю. Он поблагодарил меня и сказал, что мой опыт пригодится ему для других дум.

А потом пригласил на новый детектив. Нечего и говорить, что на следующее утро мы поженились.

Мой муж, писатель Г., имел только одну слабость: он писал «Думы»...

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Продается телка и сервант. Возраст 1 год 2 месяца».

(Из объявления).
Прислал В. Дубок,
Кокчетавская область.

«Нельзя забирать ребенка в нетрезвом состоянии».

(Из «Правил для родителей» в детсаду).
Прислал В. Бураков, г. Чирчик.

«Когда транспортируют больного на носилках, то голову несут впереди».

(Из ответа учащейся медучилища).
Прислала С. Смирнова,
г. Нерехта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ НАРОДНОГО СУДА
ПЕРВОМАЙСКОГО И ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА
НАЧАЛЬНИКАМ ПЕВВОМАЙСКОГО И ЛЕНИНСКОГО
РОВД

Товарищеский суд ЖЭУ-3 ставит вас в известность, что более не посылайте дела для рассмотрения нарушителей по месту жительства на заседаниях тов.суда ЖЭУ-3, так как руководство ЖЭУ -3 и ПО Бобруйскжилкомунхоза не обеспечивают тов. суд канцтоварами.

Председатель тов. суда ЖЭУ-3 /Болотин/

Прислал Н. Малец, г. Бобруйск.

Колбаса
Симбирская
без веревок
ВЕС 1/100
ЦЕНА 0-12

Прислала Т. Ивакина,
г. Омск.

«Приступаю к временно исполняющему обязанности начальника Беловской автошколы с 30 апреля 1988 г.».

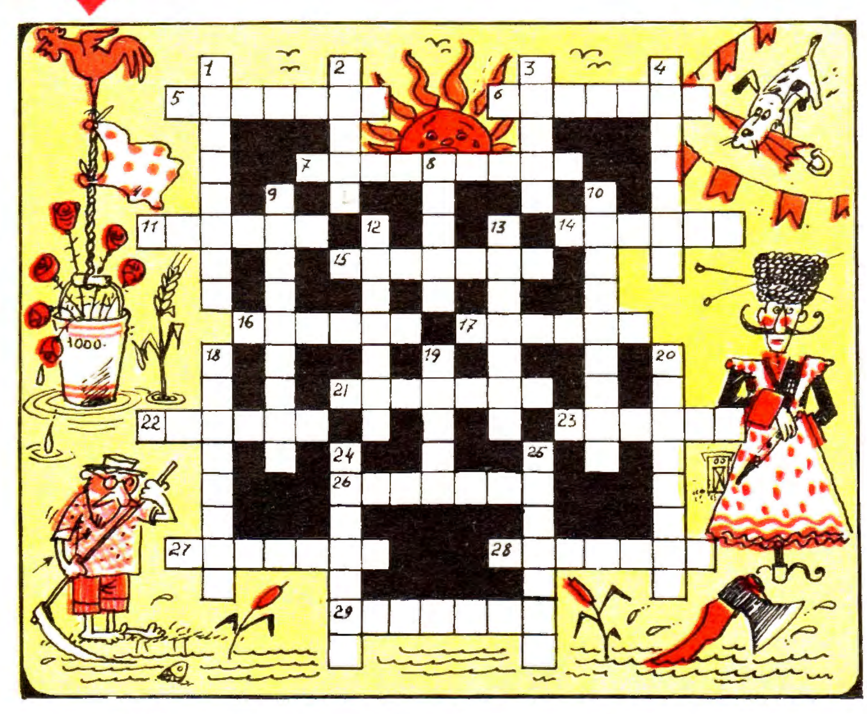
(Из приказа).
Прислал В. Мальцев,
Кемеровская область.

«В связи с укреплением трудовой и общественной дисциплины в сменах и в общем по цеху перевести с 18 мая:

1. Лексина М. И. в смену № 4 под надзор жены.».

(Из приказа).
Прислал Н. Козлов,
г. Гомель.

КВК «ЛЕТНИЙ»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Луч света в темном царстве (синопт.). 6. Мизер при сдаче (квартиросъемн.). 7. Горячий спор за место под солнцем. 11. Очернитель (пляжн.). 14. Жара, повисшая в воздухе (атмосферн.). 15. Тонкая часть русского поля (песенн.). 16. Ветренник (метеорологич.). 17. п. 15 после отбоя. 21. Человек, который и на солнце видит пятна. 22. Спицыальное средство от загара. 23. Стильный купальщик. 26. Дамская треуголка. 27. Количество алых роз, приходящееся на площадь (песенн.). 28. Ученый, не веривший в бесповоротное наступление лета. 29. Место разоблачения (пляжн.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Чистка огородных рядов. 2. Приводная часть суши. 3. Становая часть огородного пугала. 4. Деревенская обсерватория. 8. Пора сенной лихорадки. 9. Один из способов создания лягушатника. 10. Цветок с лекарственной подноготной. 12. Летнее разбойное место (детск.). 13. Пляж на высоте. 18. Два сквозняка — пара. 19. Орудие труда бабушки во время каникул Бонифация. 20. Казбич по месту жительства (лермонтовск.). 24. Суп, который повара готовят с прохладцей. 25. Платье, в котором делается больше всего открытий.

Составила Н. ЗАРОВСКАЯ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 21

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Телевизор. 8. Фарцовщик. 9. Тряпка. 10. Парник. 12. Цикля. 13. Философ. 14. Синяк. 17. Накачка. 18. Магазин. 19. Диссертация. 24. Таракан. 25. Соловей. 28. Осетр. 29. Корифей. 30. Номер. 33. Ремень. 34. Лебеда. 35. Шахматист. 36. Носильщик.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ветеринар. 2. Гиляй. 3. Москвич. 4. Марафон. 5. Сцена. 6. Симуляция. 9. Толмач. 11. Кривая. 15. Скрипач. 16. Валидол. 20. Расстегай. 21. Вахтер. 22. Борода. 23. Невезение. 26. Горнист. 27. Перебор. 31. Смута. 32. Серия.

"БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!"

— Что вы больше всего любите делать?

— Играть. В оставшееся время функционирую как отец, глава семьи и проч., и проч.

— Что у вас общего с вашим братом?

— Фамилия.

— Кого вы больше всего не любите?

— Нахалов. Изредка пользуюсь возможностью кого-то из них проучить, «отвести душу». А потом об этом долго с удовольствием вспоминаю.

— А вы чувствуете себя немножко доктором Ватсоном?

— Режиссер Игорь Масленников убедил меня в том, что я — типичный англичанин.

— Какой вопрос вам чаще всего задают на встречах со зрителями?

— Как я отношусь к Пугачевой — это очень всех волнует почему-то. Интересно, а как она ко мне относится?

Вопросы задала Н. ГРАЧЕВА.

Дружеский шарж К. КУКСО.

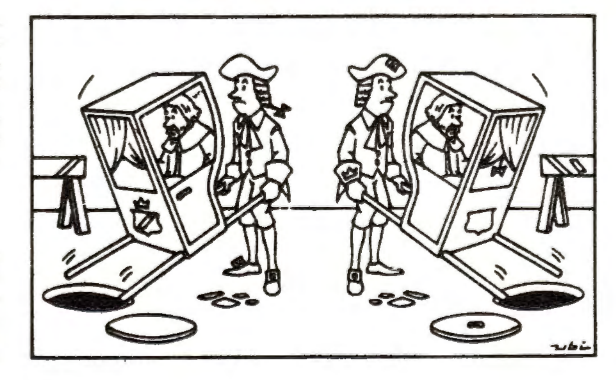
ШЕВЕЛИ МОЗГОВОЙ ИЗВИЛИНОЙ

— Да-а, были времена! — ностальгически вздохнул Синицкий-младший, вертя на пальце соломенную шляпу, принадлежавшую когда-то его прадедушке.— И задачи в те времена были! А позвольте, где же дедулина записная книжка?..

О, вот она! Ну как, дорогие мои читатели, не решить ли нам парочку, так сказать, хорошо забытых образчиков? Удастся — и дело будет в шляпе из золотой соломки, случайно попавшей мне под руку...

ОТВЕЧАЙ ПОСКОРЕЙ, СКОЛЬКО ОКОН И ДВЕРЕЙ!

На шестом этаже живет шофер А, а на седьмом этаже живут его родные братья Б, В, Г. Больше у шофера А братьев нет. В квартире А три двери и два окна. В квартирах маляра и токаря Б и В число дверей равно числу окон. Квартиры, в которых живут братья столяра Г, имеют в общей сложности столько же окон, сколько дверей. Спрашивается: живет ли в этом доме теща А?

ПРОГУЛКА ГРАДОНАЧАЛЬНИКА

Правая и левая части картинки почти одинаковы, но пять маленьких деталей левой части на правой изменили свое положение. Найдите эти детали.

Да, а что же с детективами прошлого выпуска? Предлагаю заглянуть в ответы. «Караул, грабят!» мы кричали совершенно напрасно. Когда выходила дочь выносить мусор, щелчок двери слышала жена, а когда жена открывала дверь и высовывалась наружу — это на слух зафиксировала дочь.

А вот и все подозреваемые: в центре рисунка за мужчиной с бородой один из них. Его выдали кеды. Внизу, за мужчиной со скрипкой, второй подозреваемый. У него рука заклеена пластырем. Третий подозреваемый (в носках в полоску и в куртке) — у левого края картинки за скамейкой. Платок, который служил преступнику маской, выдает четвертого подозреваемого. Он в правом нижнем углу рядом с девушкой.

Гэри ЛИ, заведующий московским бюро газеты «Вашингтон пост», — специально для «Крокодила»

Ключевой момент: готовность идти дальше

Теперь, когда прошло какое-то время и мы смогли оценить итоги Московской встречи на высшем уровне, стало ясно: ее значение — с точки зрения стабилизации отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом — куда важнее, чем это представлялось в ходе переговоров.

Поначалу встреча казалась калейдоскопом непривычных, даже будоражащих событий: прогулка американского президента по Красной площади в компании с Генеральным секретарем, его беседа со студентами в МГУ, наконец, эмоциональная сцена прощания в Кремле.

У среднего советского или американского гражданина, интересующегося политической жизнью, могло, наверное, возникнуть впечатление, что президент Рейган прилетел в Москву исключительно для того, чтобы осмотреть достопримечательности советской столицы, процитировать пару-другую русских пословиц и побеседовать на разные темы с Генеральным секретарем Михаилом Горбачевым. Для тех, однако, кто более внимательно прислушивался к тому, что говорили Рейган и Горбачев, не мог пройти незамеченным один ключевой момент их выступлений: будут приложены усилия к дальнейшему улучшению отношений между США и СССР. То есть к развитию процесса, начавшегося после встречи на высшем уровне в Женеве в ноябре 1985 года.

По существу, главным достижением четвертой встречи двух лидеров стала демонстрация того, что американо-советские отношения уже достаточно стабильны для того, чтобы выдерживать политические микротравмы. Она показала также, что и Москва, и Вашингтон прочно стоят за выработку новых договоров по контролю над вооружениями, за сотрудничество в урегулировании региональных конфликтов и подготовку новых двусторонних соглашений, включая программы обмена.

В то же время ни американская, ни советская сторона не строят иллюзий по поводу тех трудностей, которые остаются в отношениях, прекрасно осознают, что новые соглашения не так-то просто будет выработать, и понимают глубину различий между американской и советской системами.

Чувство реализма в отношении этих различий — характерная черта нынешнего этапа, отличающая его от всех предыдущих. Несмотря на ощутимое улучшение взаимоотношений — как достигнутое, так и планируемое, американские официальные лица говорят, что избегают употреблять применительно к этому этапу термин «разрядка».

В 70-е годы слово «разрядка» служило популярным обозначением прогресса в американо-советских отношениях. Представители администрации утверждают, что они и сейчас испытывают не меньшие надежды на улучшение взаимоотношений, чем прежде. Но они гораздо более трезво оценивают ситуацию, понимая, что некоторые вещи попросту недостижимы, а другие потребуют длительных усилий.

Что еще стало очевидным во время Московской встречи в верхах? То, как много было сделано за последние три года. Подписан и вступил в силу Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Расширяется американо-советский обмен. Продолжается диалог на разных уровнях. Все это отнюдь не мелочи.

Нужно отдать должное руководителям Соединенных Штатов и Советского Союза за те перемены, которые благодаря их деятельности произошли в наших взаимоотношениях в ходе четырех встреч — в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне и Москве.

Персонально, думаю, надо поблагодарить Горбачева за настойчивое стремление к улучшению отношений, а Рейгана — за смягчение своего взгляда на Советский Союз и внесение соответствующих изменений в американскую политику.

К примеру, если в начале срока своего пребывания на посту президента Рейган был против крупных соглашений с СССР в области контроля над вооружениями, то теперь налицо явный прогресс в данном направлении.

Вряд ли, думается, договор о 50-процентном сокращении стратегических ядерных арсеналов США и СССР будет подготовлен до ухода Рейгана с поста президента в январе 1989 года. И все-таки как Рейган, так и Горбачев заявили о своей готовности подписать такой договор. Есть, стало быть, определенная уверенность в том, что, несмотря на остающиеся разногласия в деталях, договор рано или поздно будет подписан. Если Рейган уже не сможет поставить под ним свою подпись, так это, возможно, сделает его преемник.

Что касается региональных конфликтов, ясно, что в подходах Вашингтона и Москвы к урегулированию ситуаций на Ближнем Востоке, на юге Африки и в Центральной Америке остаются различия. Однако многие американские официальные лица выражают сейчас уверенность в том, что эти различия можно будет устранить, если обе стороны будут искренне стремиться к этому и проявлять терпение в процессе разрешения противоречий.

Главным фактором, подтверждающим веру в разрешимость проблем, стало решение советского руководства о выводе войск из Афганистана. Президент Рейган в Москве говорил о том, как высоко оценивает он усилия советских руководителей по урегулированию афганского конфликта. Думаю, таково мнение и всего американского народа. Вывод войск дает обеим сторонам повод надеяться, что даже самые сложные дилеммы могут быть решены.

Помимо расхождений в вопросах контроля над вооружениями и региональных конфликтов, были и другие спорные моменты в советско-американских переговорах. Они могли бы, пожалуй, стать причиной для огорчений, если бы Горбачев и Рейган не выразили столь непреклонной решимости поддерживать стабильность в отношениях.

Например, некоторые трения в ходе переговоров вызвал вопрос о правах человека. Президент Рейган не раз поднимал этот вопрос, но Генеральный секретарь Горбачев дал понять, что не согласен с позицией Рейгана в отношении положения с правами человека в Советском Союзе.

Во время встречи со всей очевидностью обнаружилось, что американская и советская стороны по-разному оценивают положение с правами человека в СССР. Рейган и другие американцы, говоря о правах человека, имеют в виду заключенных в тюрьмах, разрешение на выезд из СССР и въезд в страну и свободу слова для советских граждан.

Советское руководство придает первостепенное значение гарантиям экономических прав, таких, как право на труд, недорогое жилье, и других.

Хотя права человека были противоречивым и щекотливым моментом на переговорах, важно, что обе стороны доказали свою способность обсуждать этот вопрос в цивилизованном духе. Возможно, со временем и эти расхождения будут сглажены.

В любом случае дискуссия по правам человека является напоминанием о том, что далеко не все проблемы в американо-советских отношениях уже разрешены. Теперь, когда, похоже, эти отношения нормализовались, а встречи на высшем уровне стали их обычным проявлением, у двух сторон остается масса тем для переговоров.

Перевела Е. ПОПОВА.

Открытия Америки

Серьезные события требуют серьезного подхода.

Даже в сатирическом журнале.

Предоставив сегодня кресло аналитика нашему американскому коллеге, мы займемся тем из аспектов четвертой советско-американской встречи на высшем уровне, который по своему внутреннему смыслу приближается к совокупным деяниям Эрика Рыжего, Америго Веспуччи и Христофора Колумба. С той разницей, что в роли первооткрывателя выступила на сей раз сама Америка.

В самом деле, никогда еще такое количество ног американских журналистов не ступало одновременно на советскую землю. Трудно подсчитать, сколько коллег из США приходилось на квадратный метр обширнейшей территории пресс-центра, работавшего в Центре международной торговли, который москвичи называют иногда «хаммеровским домом» (кстати, сам Арманд Хаммер в дни встречи заявил, что она стала «кульминацией его мечты, зародившейся еще 70 лет назад»). Но совершенно ясно, что оставшееся за океаном население Соединенных Штатов, включая немощных старцев и невинных младенцев, не было в состоянии поглотить даже часть того информационного потока, который обрушил на него из Москвы американский корреспондентский десант.

Ильфопетровский «плюшевый пророк» (см. «Золотой теленок»), напутствовавший полвека назад на московском вокзале журналистов, уезжавших на смычку Турксиба, наверняка присутствовал и в аэропорту Кеннеди. Судя по всему, его пророчества мало чем отличались от предсказаний бессмертного предшественника и выглядели приблизительно так: «Ваше будущее мне известно. В первый же день кто-то из вас обязательно заблудится на Красной площади. Наиболее нетерпеливые уже через полчаса после прибытия в Москву передадут в редакцию в качестве сенсационного примера гласности письмо читательницы в вечернюю газету, в котором содержится острая критика в адрес дирекции одной из московских химчисток. И каждый из вас, без исключения, начнет хотя бы одно свое сообщение словами: «Кто бы мог подумать! Президент Рейган находится в столице страны, которую он еще недавно называл «империей зла».

Так оно и было.

Трудно проверить, увез ли кто из наших американских коллег в своем блокноте (или в памяти портативного компьютера) какую-нибудь «легенду о Пионерских прудах», якобы рассказанную старым москвичом Ермаком Степановичем и повествующую о юной красавице, бросившейся головою в означенные пруды из-за неразделенной любви к старшему пионервожатому. И лишь шереметьевские таможенники знают, не был ли чей-то багаж пополнен «полным доспехом таганского панка» (за наличием отсутствия в Москве достаточного количества бухарских евреев).

Во всяком случае, телевизионным комментариям темнокожего обозревателя компании Си-Эн-Эн Бернарда Шоу (черт возьми, какая знакомая фамилия! Где же мы встречались?) неизменно предшествовал брейк-данс в исполнении молодых завсегдатаев Арбата.

Многое в мире неузнаваемо изменилось со времен строительства Турксиба (да что там! Даже со времен сооружения БАМа). Незыблемым остается подход американской журналистики к Советскому Союзу, выражающийся в характеристике Ильфа и Петрова: «Одни относились ко всему советскому враждебно, другие надеялись в наикратчайший срок разгадать загадочные души азиатов, третьи же старались добросовестно уразуметь, что же в конце концов происходит в Стране Советов».

Судя по нашим контактам в пресс-центре, за время визита президента Рейгана третья группа выросла буквально на глазах. Это не может не радовать. Но совершенно очевидно и то, что американских журналистов, стремящихся добросовестно уразуметь, что происходит в Советском Союзе, ожидает непочатый край работы. Мы пришли к этому заключению, прочитав в газете «Вашингтон пост» следующее признание Джонатана Гальперина, директора программ Комитета за национальную безопасность (кстати, Джонатан и раньше приезжал в Москву и даже был гостем «Крокодила»): «Американцы увидели то, чего они не ожидали увидеть в Советском Союзе: граждан, которые ходят по улицам и занимаются своими повседневными делами». Боже правый! Чего же в таком случае **ожидали** увидеть в СССР американцы?

Также цитируемый «Вашингтон пост» психолог Плаус, комментируя массовое появление на телеэкранах США «советских граждан, одетых в джинсы и майки, в блузки и юбки и выражавших глубокое стремление к миру» (вот ведь любопытно, не в смокингах, но и не в телогрейках), с некоторой, как нам показалось, легкой ностальгией констатирует: «Очень трудно дегуманизировать людей, когда их образы столь живы и ярки».

Ну, раз уж очень трудно, так, может быть, не стоит и мучиться?

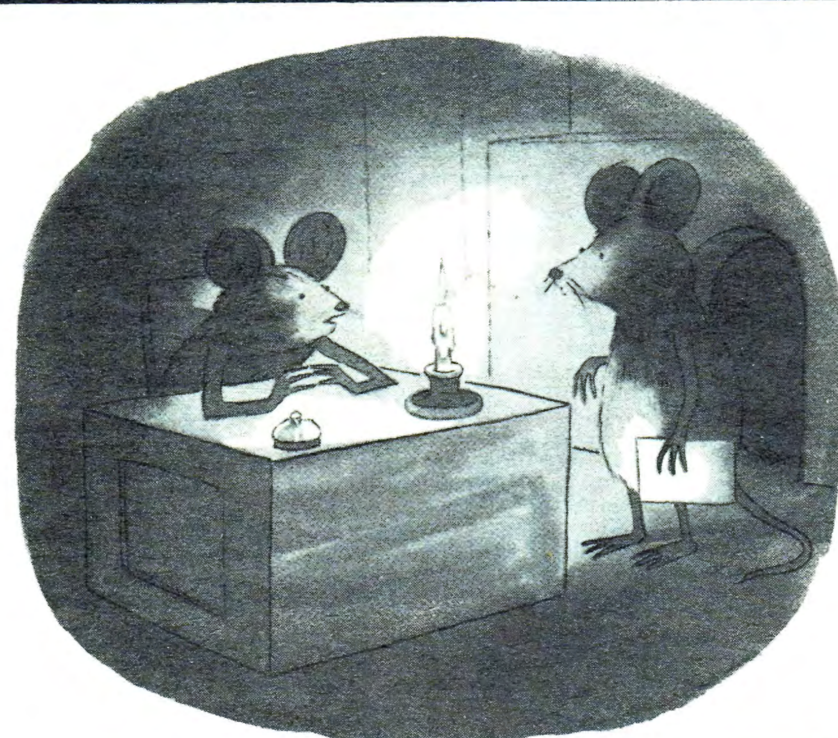
Конечно, привычки, выработанные годами, сказываются, и избавиться от них не так уж просто. Вот, скажем, наш коллега Гэри Ли, говоря о «проблеме прав человека», автоматически присовокупляет: «в Советском Союзе». Нам все-таки представляется, что эта проблема имеет место и по ту сторону Атлантики. Или это выдумка «американских диссидентов»? Во всяком случае, мы готовы к обсуждению данной проблемы, как, впрочем, и остальных, именно «в цивилизованном духе», как определил наш коллега, а этот дух предполагает не в последнюю очередь отказ от траченных временем стереотипов.

В общем, большинству американцев приходится начинать изучение Советского Союза с азов. Но, может быть, впервые это обстоятельство не вызывает у нас желания поиронизировать. Степень неосведомленности не имеет никакого значения, когда наличествует искреннее стремление к познанию. Без которого совершенно невозможно движение вперед в наших отношениях.

Леди и джентльмены, добро пожаловать в нашу школу! (А мы готовы записаться в вашу.)

Открывайте для себя Советский Союз.

Б. ТУМАНОВ,
Л. ФЛОРЕНТЬЕВ

— Принесите-ка мне все материалы по кошкам!

«Нью-Йоркер», США.

•

Журналист опрашивает избирателей перед муниципальными выборами:

— Что бы вы сделали, если бы стали мэром Марселя?

Марсельский адвокат метр Коломбани отвечает:

— Если бы я стал мэром Марселя, то немедленно подал бы в отставку.

•

Адвокат одного из водителей, попавших в аварию, звонит человеку, проходящему в полицейском рапорте в качестве свидетеля.

— Кто из двух водителей, по-вашему, виновен в аварии? — спрашивает адвокат.

— Да никто,— отвечает свидетель.— Насколько я помню, обе машины врезались друг в друга одновременно...

•

— Я ищу и буду искать множество приключений, волнений, переживаний, любовных историй!— выкрикивал в лицо своему отцу молодой человек, который собирался уйти из дома.— И не вздумай останавливать меня! Я выбрал свой путь в жизни!

— А кто тебя останавливает? — отвечает отец.— Только возьми и меня с собой!

•

Во Флориде установилась необыкновенно жаркая погода. Выйдя на крыльцо своего дома, Билл воскликнул:

— Хватит жары! Я требую, чтобы завтра похолодало!

Сосед, поливавший цветы на клумбе, язвительно усмехнулся.

Ночью погода резко изменилась, прошел сильный дождь, и к утру действительно похолодало. Наутро сосед, накинув плащ, постучал в окно Билла:

— Простите, а вы ничего не могли бы сделать с нашей экономикой?

•

Во время экзамена по вождению автомобиля машина врезается в дерево. Экзаменатор стряхивает с себя осколки стекла и спокойно говорит:

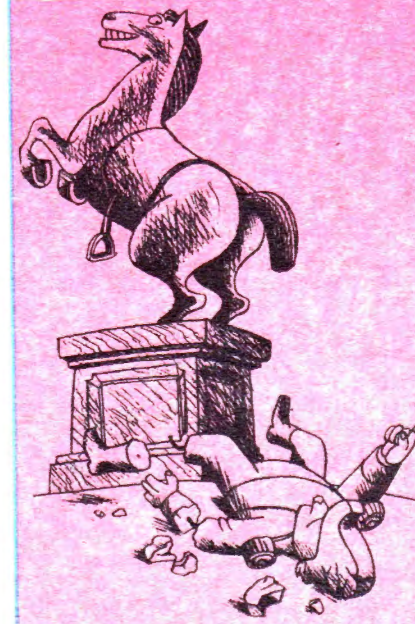
— А теперь, мсье, покажите мне, как вы останавливаете машину, когда перед вами нет препятствия.

•

— Скажи, Поль, кто является положительным персонажем басни «Ворона и Лисица»?

— Сыр, мсье.

•

«Ойленшпигель», ГДР.

АЗБУКА ПО-АМЕРИКАНСКИ

ИЗ «ЮМОРИСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» ЭВАНА ЭЗАРА, США*

ДАЙМ (амер. монетка в десять центов) — доллар после вычета всех налогов, но без учета инфляции.

ДЕМАГОГ — человек, вечно начинающий свои речи со слов: «Говоря от имени всего народа, я считаю...»

ДЕМОКРАТИЯ — форма правления, при которой каждый налогоплательщик имеет полную свободу выбирать политиков, а те, в свою очередь, имеют полную свободу облагать их любыми налогами. Политическая система, где каждый гражданин имеет право сказать все, что он думает, даже если он вообще ничего не думает.

ДЖЕНТЛЬМЕН — мужчина, который, пригласив девушку к себе домой посмотреть гравюры, показывает ей гравюры.

ДИАГНОЗ — медицинская процедура, где сначала доктор спрашивает пациента: «Что стряслось?», а потом пациент — доктора.

ДИЛЕТАНТ — человек, слишком занятый дискуссиями о литературной новинке, чтобы найти время ее прочитать.

ДИПЛОМАТ — человек, который дважды подумает, прежде чем промолчит, и который умеет молчать сразу на нескольких языках.

ДИПЛОМАТИЯ ДОЛЛАРА — чисто американское доказательство того, что единственным международным языком является тот, на котором говорят деньги.

ДИСТАНЦИЯ — это то, чего не существует между двумя запаркованными автомобилями.

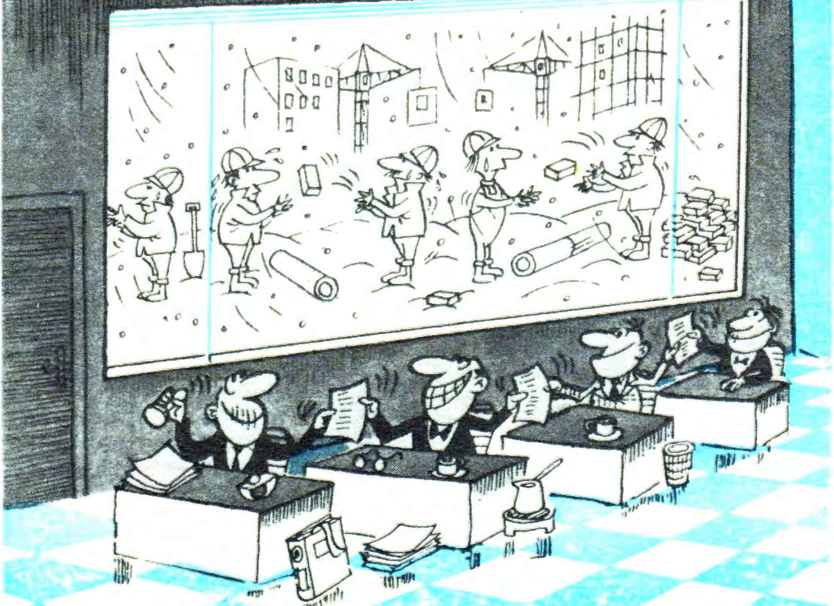
ДОМАШНЯЯ СВАРА — семейный диспут, в результате которого жена говорит своему мужу, что ей нечего больше сказать, а он обязан целый час это выслушивать.

ДУРАК — состояние, в котором мужчина может пребывать и не догадываться об этом, если, конечно, у него нет жены.

ДЫХАНИЕ — это то, что перехватывает у родителей, когда их пятилетний сын рассказывает гостям подсмотренную им сцену.

Перевел А. БЕНЮХ.

* Продолжение. Начало в №№ 8, 11, 15, 18.

«Урзика», Румыния.

КРОКОДИЛ

№ 22 (2608)
август 1988

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Н. Белевцев, С. Богачев, М. Валиахметов, В. Дубов, В. Луговкин, В. Мохов, О. Теслер, Б. Тильман, В. Тильман.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 30.06.88.
Подписано к печати 07.07.88.
А 11761.
Формат бумаги 70 × 108 1/8.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 300 000 экз.
(1-й завод: 1—2 700 289).
Зак. № 2719.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). Зак 1848

Антоний Ходоровский

АВТОШАРЖ

Из своих сорока двух лет он почти полжизни прожил в селе Ходоры и перебрался в Варшаву только тогда, когда решил учиться на инженера-строителя. Но получилось так, что стал художником.

Первый рисунок Ходоровского в сатирическом журнале «Шпильки» был опубликован в 1969 году. В 1975 году он окончил Академию пластических искусств. Сейчас его имя достаточно известно не только в Польше, но и в художественных кругах всего мира. Международные выставки, в которых он участвовал, перечислить просто невозможно. А премии — попробуем. «Гран-при» в Страсбурге, специальная премия в Анкаре, первая премия в Новой Гуте, вторая премия в Легнице, четвертая премия в Монреале. И так далее. А в Праге недавно состоялась его персональная выставка.

Говоря о Ходоровском, невозможно не упомянуть о его семье. Девять детей, из которых шестеро приемных. Согласитесь, такое редко встретишь...

